

II. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов, и начало русского раскола, именующего себя старообрядством

Первым и важнейшим из дел патриаршествования Никона было исправление богослужебных книг и церковной обрядности. Начало такому исправлению, как мы видели, положено было еще во дни патриарха Иосифа, и тогда же обозначились те два начала, или правила, которыми потом Никон постоянно руководствовался, занимаясь этим делом.

Богослужебные книги правились у нас при всех доселе бывших патриархах, когда приготавлиемы были к печати. Но правились только по славянским "добрым переводам", или спискам (не упоминая о несчастной попытке преподобного Дионисия и его сотрудников). А как и "добрые" славянские списки даже самые древние не чужды были погрешностей и немало разнились между собою в частностях, то очень естественно, что и в печатных книгах, появившихся при первых наших патриархах, повторились все эти погрешности и разности, доходящие иногда до противоречий. Под конец жизни патриарха Иосифа у нас наконец ясно сознана была мысль, что исправлять церковные книги по одним славянским спискам недостаточно, а нужно вместе исправлять и по греческому тексту. И вот сам царь Алексей Михайлович обратился в Киев с просьбою прислать в Москву ученых мужей, знавших греческий язык, чтобы они исправили по тексту семидесяти толковников славянскую Библию, которую тогда намеревались вновь напечатать. Ученые люди скоро прибыли в Москву, и хотя некоторые встретили их здесь неприязненно за самую их ученость, хотя им не было поручено тотчас же приступить к исправлению Библии, но они успели еще при жизни патриарха Иосифа исправить по греческому тексту одну, уже оканчивавшуюся печатанием, книгу "Шестоднев" и напечатали свои исправления в конце книги, чтобы всю ее не перепечатывать. Это была первая напечатанная в Москве церковная книга, исправленная не по славянским только спискам, но и по греческому тексту, и в этом выразился первый принцип, которого потом держался Никон: править богослужебные книги по "добрым" славянским спискам и вместе по греческому тексту.

В отправлении богослужения у нас с давнего времени допускалось крайнее бесчиние, происходившее от многогласия и от хомового пения. Службы совершались разом многими голосами: один читал, другой в то же время пел, третий говорил ектении или возгласы, а иногда читали разом двое или трое, и совершенно различное. А при господствовавшем хомовом пении слова растягивались до бессмыслия, с переменою в них ударений, с переменою полугласных букв на гласные, с прибавлением новых гласных. Против такого бесчиния восставали еще Стоглавый Собор и патриарх Гермоген, а теперь, при

патриархе Иосифе, восстали некоторые даже из светских людей, каков был Федор Ртищев, и два самых авторитетных московских протоиерея: казанский - Неронов и благовещенский - Вонифатьев, царский духовник. К ним присоединились Новгородский митрополит Никон и сам царь. А патриарх Иосиф сначала колебался, но потом обратился с просьбой к Цареградскому патриарху Парфению, чтобы он вместе с другими греческими иерархами решил, "подобает ли в службах по мирским церквам и по монастырям соблюдать единогласие". И когда из Царьграда получен был ответ, что чтение в церквах должно совершаться единогласно и певцам подобает петь согласно, а не рыканием неподобным, тогда патриарх Иосиф с Собором своих русских архиереев в присутствии самого государя и его синклита постановил, чтобы по всем церквам пели чинно, безмятежно и единогласно и читали в один голос, тихо и неспешно. В этом выразился второй принцип, которого также постоянно держался Никон: во всех важных и недоуменных случаях при исправлении церковной обрядности просить совета и решения Восточных первосвятителей).

Явились новые обстоятельства, которые нудили не только не прекращать, напротив, с большею энергиею продолжать начатое дело исправления церковных книг и обрядов. При благочестивом царе Алексее Михайловиче еще чаще, чем прежде, приходили в Москву греческие иерархи и другие духовные лица для милостыни и иногда оставались у нас довольно долго. Присматриваясь с любопытством к нашей церковности, они не могли не замечать и действительно замечали в нашей Церкви некоторые разности от чинов и обрядов Греческой Церкви и некоторые новины, или "новшества", каким особенно казалось им употребление двуперстия для крестного знамения, так как это новшество, несмотря на решение Стоглавого Собора, доселе слабо проникавшее в народ, который издревле от предков привык креститься тремя перстами, теперь именно, при патриархе Иосифе, будучи внесено в некоторые учительные и богослужебные наши книги, наиболее стало распространяться и утверждаться и наиболее бросаться в глаза приходившим к нам с Востока единоверцам. В числе других пришельцев к нам находился и Иерусалимский патриарх Паисий, принятый в Москве с величайшим уважением. Заметил и он наши новшества и с укором указывал на них царскому любимцу Никону и другим. Встревоженные царь и патриарх Иосиф, прощаясь с Паисием, отпустили с ним на Восток своего старца Арсения Суханова, чтобы он изучил там церковные чины и обряды и доставил о них сведения. Но Арсений, двукратно возвращавшийся с пути по поручению Паисия, остановившегося в Молдавии, в последний раз (8 декабря 1650 г.) привез с собою в Москву "Статейный список", в котором подробно изложил свой жаркий спор с греками о двуперстии для крестного знамения и о некоторых других церковных предметах, которыми русские разнились тогда от греков, и вместе привез достоверное, им самим обследованное известие, что на Афоне монахи всех греческих монастырей, собравшись воедино, соборно признали двуперстие ересью, сожгли московские книги, в которых напечатано о нем, как книги еретические и хотели сжечь самого старца, у которого нашли те книги. Все это еще более должно было встревожить царя и церковные власти в Москве и показать им, до чего могут довести те обрядовые разности, которые находили у

нас греки и прямо называли новшествами. Вместе с Арсением прибыл в Москву с письмами от Иерусалимского патриарха Паисия к царю и к патриарху Иосифу Назаретский митрополит Гавриил, которого очень полюбил Алексей Михайлович и всячески старался оставить на житье у себя в России, и этот митрополит также высказал свои укоризны на наши церковные новшества. Что же оставалось делать нашему церковному правительству? Патриарх Иосиф был уже дряхл и слаб и скоро скончался. Но Никон, столько могущественный и при патриархе Иосифе, а теперь сделавшийся его преемником, мог ли Никон быть спокоен и не отозваться со всею ревностью на все эти укоризны греков? И он действительно отозвался. Тотчас по вступлении на патриаршую кафедру Никон, как рассказывается в предисловии изданного им Служебника, "упразднился от всех и вложися в труд, еже бы Святое Писание рассмотреть, и, входя в книгохранильницу, со многим трудом многи дни в рассмотрении положи". В книгохранильнице он нашел подлинную уложенную грамоту об учреждении патриаршества в России, подписанную патриархами Иеремиею Цареградским и Иовом Московским и многими другими святителями, русскими и греческими; нашел также подлинную грамоту, или книгу, об утверждении патриаршества в России, подписанную и присланную в 1593 г. всеми Восточными патриархами со множеством греческих епископов. В последней грамоте он прочел, что Московский патриарх есть брат всех прочих православных патриархов, единачинен им и сопрестолен, а потому должен быть согласен с ними во всем. Наиболее же остановили на себе в этой грамоте внимание Никона следующие слова: "Так как православная Церковь получила совершенство не только в догматах боговедения и благочестия, но и в священно-церковном уставе, то справедливость требует, чтобы и мы потребляли всякую новину в ограде Церкви, зная, что новины всегда бывают причиною церковного смятения и разделения, и чтобы следовали мы уставам св. отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или отъятия". Прочитав всю эту грамоту, Никон впал в великий страх, не допущено ли в России какого-либо отступления от православного греческого закона, и начал прежде всего рассматривать Символ веры. Он прочел Символ веры, начертанный греческими буквами на саккосе, который за 250 лет пред тем принесен был в Москву митрополитом Фотием и сравнил с этим Символом славянский, как он изложен был в новых московских печатных книгах, и убедился, что в славянском Символе есть несогласия с древним греческим. Рассмотрел затем точно так же святую литургию, т. е. Служебник, и нашел, что иное в нем прибавлено, другое отнято или превращено, а после Служебника узрел и в других книгах многие несходства. После этого, проникнутый сознанием своего долга быть во всем согласным с Восточными патриархами и потреблять всякие новины, которые могут вести к несогласиям в Церкви, смутам и разделению, и убедившись лично, что такие новины у нас действительно есть в печатных церковных книгах и в самом даже Символе веры, Никон решился приступить к исправлению наших богослужебных книг и церковных обрядов.

Первая попытка в этом роде сделана была Никоном спустя около семи месяцев после вступления его на патриаршую кафедру и касалась только двух новшеств. Но при первой же этой попытке обнаружались и ярые противники

Никона и начатого им дела. Пред наступлением Великого поста в 1653 г. Никон разослал по всем церквам московским следующую "Память": "По преданию св. апостол и св. отец не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились". В таком сжатом виде передает "Память" протопоп Аввакум, но относительно поклонов передает неясно и неточно, конечно, не без намерения. Никон, в чем мы убедимся впоследствии, указывал вовсе не то, чтобы православные не клали вообще земных поклонов в церкви, а то лишь, чтобы в святую Четыредесятницу при чтении известной молитвы святого Ефрема Сирина не клали православные одних земных многочисленных (числом до 17) поклонов, как делалось у нас тогда, но клали поклоны поясные, кроме только четырех земных. "Память" эта прислана была и в Казанский собор протопопу Ивану Неронову. Неронов тотчас пригласил к себе протопопа Аввакума, который проживал у него, и других своих близких. "Мы же, - рассказывает Аввакум, - задумались, сошедшиеся между собою; видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал идти в церковь (т. е. Казанский собор), а сам един скрылся в Чудов, седмицу в палатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: "Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати". Он же мне, плачучи, сказал, таже Коломенскому епископу Павлу... потом Даниилу, костромскому протопопу, таже сказал и всей братии. Мы же с Даниилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклоне, и подали государю, много писано было. "Он же не веет, где скрыл их, мнится, Никону отдал". Вот кто явились противниками Никона и как они начали борьбу с ним! Что ж подвигло их на эту роковую борьбу? Ужели одна привязанность к тем двум обрядам, или обычаям, которые хотел изменить Никон? Мы уже упоминали, что протопопы, казанский Неронов и благовещенский Вонифатьев, были при патриархе Иосифе самые авторитетные люди в московском духовенстве, сильные пред патриархом и царем, и что к ним и под их покровительство стекались и другие, преимущественно иногородние, протопопы, каковы были: Аввакум юрьевский, Даниил костромской, Логгин муромский, составлявшие вокруг них "братию". В числе своих близких и друзей временщики-протопопы считали и Никона, нового царского любимца, пока он был архимандритом и даже Новгородским митрополитом. Но когда патриарх Иосиф скончался, эти мнимые друзья Никона, воспользовавшись его отсутствием из Москвы, повели козни, чтобы не допустить его до патриаршества. Никон по возвращении в Москву узнал о кознях и как только сделался патриархом, то не стал, по выражению протопопа Аввакума в его автобиографии, пускать к себе бывших друзей своих и в крестовую. Такого унижения и оскорбления не в силах был перенести Неронов с своими приближенными, и они ждали только случая отомстить Никону. Случай, как им казалось, представился. Никон разослал "Память" духовенству - они написали на нее опровержение из книг, выставляя ее, конечно, еретическою, и подали свою рукопись государю, рассчитывая уязвить Никона и повредить ему. Но ошиблись в расчете: Никон остался в полной силе, а только еще более раздражился против бывших своих друзей. И началась борьба преимущественно из личных побуждений, которая по тому, как скоро увидим, в самом уже начале

своем приняла с обеих сторон самый резкий характер. Но достойно замечания, что Никон в этот раз как бы не обратил внимания на поступок своих врагов, не потребовал их на суд за оказанное сопротивление архипастырскому распоряжению и вовсе их не преследовал.

Между тем 16 апреля (1653) прибыл в Москву еще один из высших святителей Востока, бывший Константинопольский патриарх Афанасий, с довольно многочисленной свитой. Он три раза восходил на патриарший престол, но оставался на нем в первый раз (1633) только сорок дней, во второй (1634 - 1635) около года и в третий раз (1651) только пятнадцать дней. В последнее время Афанасий проживал в Волошской земле, в городе Галаце, где имел в своем управлении монастырь святителя Николая, откуда и прибыл к нам. Государь принял 22 апреля патриарха Афанасия со всею его свитой уже не с такою торжественностью, как прежде принимал Иерусалимского патриарха Паисия: то был действительный патриарх, а этот - патриарх без кафедры. Принял не в царском одеянии, не в Золотой палате, не на престоле, а в обыкновенном платье и в столовой избе. Афанасий бил челом царю, поднес ему свои подарки: образ Спасов в киоте, резной деревянный крест, мощи евангелиста Матфея, святое миро - и сказал речь. Царь позвал Афанасия к своей руке, спросил его о спасении и пригласил сесть, а дьяк тут же объявил Афанасию царское жалованье, которое составляли: серебряный кубок с золоченою крышкою, камка, два атласа гладких, два сорока соболей и деньгами сто рублей. Отпустив Афанасия, царь послал ему на Кирилловское подворье через своего стольника яства и питье. В июне с дозволения государя Афанасий со всею своею свитой ходил в Троице-Сергиеву лавру, где встретили его с такими же почестями и дарами, с какими прежде встречали патриарха Паисия. По возвращении из лавры во время крестного хода в Сретенский монастырь (23 июня) Афанасий просил лично государя, указывая на свои обветшавшие святительские одежды, пожаловать ему новые, и государь приказал выдать ему по прежним примерам на омофор, саккос и митру двести рублей. В августе Афанасий служил по желанию государя в Новоспасском монастыре и за то получил от государя сребропозлащенный кубок в сорок две гривенки, сорок соболей в пятьдесят рублей и восемнадцать рублей деньгами. В октябре Афанасий подал челобитную, чтобы государь пожаловал ему грамоту, по которой иноки его галацкого Николаевского монастыря могли бы приходить в Москву за милостынею ежегодно, пока он, Афанасий, будет жив, а по смерти его - через два года на третий. И в той же челобитной писал еще: "Да вели, государь, мне же, богомольцу твоему, напечатать на своем дворе 500 разрешительных грамот, потому что, как я ехал к тебе в Москву чрез войско запорожских казаков, в то, государь, время приходили ко мне на исповедь многие черкасы и по обычаю своему просили у меня разрешительных грамот, и мне некого было послать в Киев для напечатания их. А как я, богомолец твой, поеду из Москвы назад, те запорожские казаки опять начнут у меня разрешительных грамот просить, а иные вновь на исповедь приходить будут. Царь государь, смилуйся, пожалуй". Челобитная эта была уважена. В октябре, 29-го числа, патриарх Афанасий совершал литургию на государевом дворе у Спаса Нерукотворенного Образа в присутствии самого царя и всего царского

семейства, причем на обоих клиросах пели греки. И удостоился получить от царя, царицы и царевен жалованье - 1200 рублей соболями. В ноябре, 19-го числа, выпросил у государя себе на панагию и для своего монастыря на иконы 50 рублей, также церковные облачения и сосуды. Наконец, 13 декабря был патриарх Афанасий со всею своею свитою на прощальном отпуске у государя, и государь пожаловал ему тогда 2000 рублей соболями. Собираясь в путь, Афанасий подал ему одну грамоту - челобитную, в которой и благодарил царя за его милости, и выражал пред ним новые свои нужды, и, между прочим, писал: "Твоя царская премногая милость, как солнце, сияет во всю вселенную; ты, государь, ныне на земле царь учинился всем православным христианам, а великий господин святейший Никон, патриарх Московский и всея Руси, по благодати Божией глава Церкви и исправление сущей православной христианской веры и приводит словесных овец Христовых во едино стадо... Только тебя, великого государя, мы имеем столп и утверждение веры, и помощника в бедах, и прибежище нам, и освобождение. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину святейшему Никону - освящать соборную апостольскую церковь Софии, Премудрости Божией (разумеется, в Константинополе)..." В последних числах декабря Афанасий выехал из Москвы. А в феврале следующего 1654 г. извещал царя Алексея Михайловича из Чигирина, что гетман Богдан Хмельницкий устроил его, Афанасия, на время в одном из монастырей, именно Лубенском, здесь спустя месяц с небольшим, 5 апреля, Афанасий и скончался. Но для нас важно посещение патриархом Афанасием Москвы в том преимущественно отношении, что и он, подобно другим Восточным первосвященникам, приходившим к нам прежде, "зазирал" патриарху Никону "в неисpravлении Божественного Писания и прочих церковных винах" и тем вновь возбуждал его ревность к исправлению наших церковных книг и обрядов. Кроме того, Афанасий во время своего пребывания в Москве написал для Никона сочинение под названием "Чин архиерейского совершения литургии на Востоке", чтобы Никон ясно мог видеть, какие отступления от того чина допущены в России.

Еще в то время, когда патриарх Афанасий находился в Москве, произошло первое открытое столкновение у Никона с его противниками, и прежде всего с протопопом Нероновым. Столкновение это описал сам Неронов довольно подробно в своей "Росписи", которую и послал царю Алексею Михайловичу, и несколько короче в своей челобитной, которую подал впоследствии патриархам. В июле 1653 г. Никон созвал в своей крестовой Собор, на который приглашен был и протопоп Неронов, и слушал на Соборе отписку муромского воеводы на протопопа муромского Логгина, будто он похулил образ Спасителя и образа Пресвятой Богородицы и всех святых. Логгин, находившийся тут же, против отписки дал объяснение: "Я не только словом, но и мыслию не хулил св. образов, которым поклоняюсь со страхом, а сказал только жене воеводы муромского у него в дому, когда она подошла ко мне на благословение: не белена ли ты? Слово мое подхватили гости и сам воевода и заговорили: ты, протопоп, хулишь белила, а без белил не пишутся и образа. Я отвечал: какими составами пишутся образа, такие и составляют писцы, а если на ваши рожи такие составы положить, то вы не захотите. Сам

Спас, и Пресв. Богородица, и все святые честнее своих образов". Никон, выслушав Логгина и "не испытав истины, по отписке того воеводы осудил Логгина в мучение злomu пристапу, мстя себе прежде бывшее обличение от того Логгина протопопу в его Никонове небрежном, и высокоумном, и гордом житии" (значит, не Никон первый начал вражду, а его первого оскорбил муромский протопоп, позволивши себе резко укорять своего патриарха в небрежности и гордости). Неронов не вытерпел и сказал Никону: "За что отдавать Логгина жестокому пристапу? Нужно прежде произвести розыск... Тут дело великое, Божие и царевое, и самому царю поистине следует быть на сем Соборе". На это Никон будто бы отвечал: "Мне-де и царская помощь не годна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю". А Неронов завопил: "Патриарх Никон! Взбесился ты, что такие хульные слова говоришь на государское величество... все св. Соборы и благочестивые власти требовали благочестивых царей и князей в помощь себе и православной вере". И в тот же день Неронов с ярославским протопопом Ермилом, ссылаясь и на Ростовского митрополита Иону, будто бы слышавшего те недостойные слова Никона о царе, донесли о них государеву духовнику Стефану и самому государю. Никон через несколько дней вновь созвал духовные власти на Собор и жаловался им на Неронова как на своего клеветника пред государем и утверждал, что таких слов про государя не говорил. Ростовский митрополит Иона сперва молвил: "Было-де так, как Иоанн протопоп говорит", да тотчас же заперся и произнес: "Патриарх Никон таких слов не говаривал". Тогда рассерженный Неронов начал изрыгать на Никона в присутствии всего Собора целый поток укоризн, едва давая Никону сказать несколько слов. *Никон:* "Я сужу только по Евангелию". *Неронов:* "В Евангелии сказано: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас*, а ты и тех, кто добра тебе хочет, ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, тех ты любишь, и жалуешь, и слушаешь. Кто тебе огласит кого хоть за пятьсот или за тысячу верст, ты веришь, а про богомольцев говоришь, послушав клеветы: вот что они делают, нечестивцы, а протопопы Стефан (Вонифатьев) и Иоанн (Неронов) им, ворам, потакают..." *Никон:* "Я сужу по правилам св. апостолов и св. отцов". *Неронов:* "В правилах написано не верить клеветникам, проверять их истинными свидетелями, уличенных же клеветников наказывать без пощады, а тебе клеветники явно клеветуют на добрых людей, и ты им веришь". Тут прервал было Неронова протодиакон патриарха Григорий своими укоризнами против жены его и сына, но Неронов с новою дерзостью продолжал к Никону: "Доселе ты называл протодиакона Григория и прочих, которые ныне у тебя в крестовой советники, врагами Божиими и разорителями закона Господня, а ныне у тебя на Соборе то и добрые люди. Прежде ты имел совет с протопопом Стефаном и его любимыми советниками, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал, и любезно о всяком добром деле беседовал, когда был игуменом, архимандритом и митрополитом. Которые боголюбцы присылаемы были государем к патриарху Иосифу, чтобы он по его государеву совету поставил одних в митрополиты, архиепископы и епископы, других в архимандриты, игумены и протопопы, и ты с государевым духовником Стефаном бывал тогда в совете, и никогда не прекословил, и при поставлении их не говорил: недостойн. Тогда все у тебя были непорочны, а ныне у тебя те же

люди стали недостойны. И протопоп Стефан за что тебе враг стал? Везде ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопопов и попов с женами и детьми разлучаешь. Доселе ты друг наш был - на нас восстал. Некоторых ты разорил и на их места поставил иных, и от них ничего доброго не слышать. Других ты обвинил за то, что они людей мучат, а сам беспрестанно мучишь: старца соловецкого и в воскресный день велел бить немилостиво. Властям зазираешь, а сам беспрестанно мучишь. Вот ты укоряешь новоуложенную книгу (т. е. Уложение), посохом ее попираешь и называешь недоброю, а ты и руку к ней приложил, когда ее составляли, - в те поры называл ее доброю. Приложил руку из земного страха, ныне же на Соборе дерзаешь против той книги, потому что государь дал тебе волю. А любящие Бога не боялись нищеты, скорби и смерти, за истину страдали и стояли крепко, как ныне от тебя боголюбцы терпят скорби, и беды, и разорения". *Никон*: "На тебя мне подали челобитную за руками священники и диаконы и все причетники твоего собора". *Неронов*: "Вели прочесть на Соборе, в чем меня обвиняют. Воистину, патриарх, лжешь; разве тебе извещал на меня вдовый поп Лаврентий, которого прежде ты послал под начало в Иосифов монастырь, а ныне освободил, чтоб на меня ложь составил". Тут опять не выдержал протодиакон и начал кричать в крестовой с своими советниками: "Ты-де великого святителя кощунником, и празднословцем, и мучителем, и лжесоставником называешь". *Неронов*: "Попустил сам патриарх всякие нелепые слова говорить пред собою на истинных рабов Божиих, и я не знаю, чем назвать сей Собор ваш... Что вы, Григорий, кричите и вопите? Я не во Св. Троицу погрешил и не похулил Отца и Сына и Св. Духа, но похуляю ваш Собор..."

Что же показывает это первое публичное столкновение протопопы Неронова с патриархом Никоном, которое мы изложили со слов самого же Неронова? Неронов сначала заступился за одного из своих сторонников, муромского протопопы Логгина, еще прежде дерзко укорявшего Никона в гордости, и упрекнул Никона в жестокости. Потом донес царю на Никона, будто бы сказавшего о царе неприличные слова. А потом резко укорял Никона, что он верит одним только клеветникам без всякого расследования; что прежде был он другом Вонифатьева и его друзей, советовался с ними о всем, а теперь сделался врагом Вонифатьева, везде поносит его, а друзей его, протопопов и попов, разоряет, мучит, на их места ставит других, избрал себе новых советников, которых прежде называл врагами Божиими; что прежде из страха подписал Уложение, а теперь порицает его; что, наконец, лжет на него, Неронова, и сам настроил на него клеветника. И среди всех этих укоров Никону нет ни слова против исправления им церковных обрядов, которое уже начиналось тогда; не видно и тени какой-либо привязанности к старым обрядам, на которые будто бы посягнул Никон. Во всем видна одна лишь личная вражда, ненависть, озлобление Неронова и его друзей против Никона за то, что он изменил им, лишил их прежней власти, стал их врагом, преследует их. Этою-то ненавистью более всего руководились они и впоследствии, когда начали ратовать будто бы за старые обряды.

Озлобление Неронова не имело границ, и он совершенно забылся, когда позволил себе на Соборе и так дерзко порицать в глаза и позорить своего патриарха, а наконец, похулил и весь Собор. Неудивительно, если святой Собор на основании 55-го правила святых апостолов, которое гласит: "Аще кто из клира досадит епископу, да будет извержен", определил послать протопопа Неронова на смирение в монастырь. Или, как подробнее об этом рассказывает он сам: "И за те мои слова сослан я был в Спасский монастырь на Новое под начало и того же дня переведен из Спасского монастыря в Симонов и отдан под крепкое начало: мне не велено было ходить в церковь, а ночью сторожа меня со свечами держали и семь дней никого из людей не пущали ко мне, ни домашних, ни сторонних. В осмой день привезли меня в город на цареборисовский двор и тут били немилостивно, а когда везли меня из монастыря, то быстро скакали на телеге, хотели тряскою меня уморить. И привезли меня в соборную церковь, и патриарх Никон велел Крутицкому митрополиту Сильвестру снять с меня скуфью. И как сняли скуфью, опять послал меня патриарх в Симонов монастырь, и на шею наложили мне большую цепь. В 4-й день августа послал меня в Вологодский уезд на Кубенское озеро, в Каменской монастырь, под крепкое начало, а в грамоте о мне ко властям было писано: за великое бесчиние велено в черных службах ходить".

Лишь только Неронов подвергся опале, друзья его, составлявшие вокруг него "братию", не дремали. Они положили ходатайствовать за него пред государем. Протопопы Аввакум и Даниил костромской написали о том челобитную и отнесли к государеву духовнику Стефану. Но осторожный Стефан начал уже отделяться от своих задорных друзей, затеявших неравную борьбу с могущественным патриархом, и, по выражению Аввакума, "всяко ослабел", и челобитной "государю не снес". "Братия", впрочем, нашли другой путь к государю и свою челобитную ему подали, а государь передал ее патриарху. Между тем Аввакум отправился провожать Неронова на Каменный остров. И когда воротился, пошел 13 августа ко всеобщей в Казанский собор, намереваясь, как бывало прежде, читать в положенное время вместо протопопа Неронова поучение к народу из толкового Евангелия. Но казанские священники не дали ему читать и сказали: ты протопоп в Юрьевце, а не наш, и патриарший архидиакон велел нам самим читать поучения к народу. Аввакум очень огорчился и не стал ходить в Казанскую церковь, а "завел свое всеобщее" в сушиле, находившемся на дворе протопопа Неронова, переманил к себе несколько прихожан Казанской церкви, а чрез них позывал и других от церкви в сушило, говоря: "В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше". Священники казанские этого не стерпели и донесли о всем патриарху Никону. Поступок Аввакума был очень важен и противен канонам Церкви: он самовольно устроил особую молельню, самовольно отделялся сам и отделял других от Церкви в самочинное сборище. По приказу патриарха немедленно послан был Борис Нелединский со стрельцами. Они окружили Аввакумову молельню, когда всеобщая в ней еще не кончилась, схватили самого Аввакума и богомольцев числом тридцать три, да тут же взяли и челобитчиков, т. е. писавших и подписавших челобитную о Неронове, так что всех взятых было до сорока человек и больше. Аввакум отведен был на патриарший двор и на другой

день в оковах отвезен на телеге в Андроньев монастырь. А "братью", т. е. взятых богомольцев и челобитчиков, отослали в тюрьму и держали в ней целую неделю. В следующее воскресенье патриарх велел привести всех их в церковь, и во время литургии прочитал им из правил церковных, которые они нарушили своим самочинным сборищем, и всех предал анафеме и отлучил от Церкви. А трем протопопам, более других виновным как в этом самочинии, так и в составлении челобитной царю за Неронова против патриарха, да и по самому их духовному сану, было особое наказание. Прежде всего Никон "остриг голову" в соборной церкви в присутствии самого царя костромскому протопопу Даниилу и, сняв с него однорядку, отослал в Чудов монастырь на работу в хлебной, а чрез несколько времени сослал в Астрахань. Потом точно так же остриг в соборной церкви и при царе во время большого выхода за обеднею муромского протопопа Логгина, снял с него однорядку и кафтан и в цепях отослал в Богоявленский монастырь, а потом отправил в Муром, велел ему жить в деревне у отца под началом. Дошла очередь и до Аввакума. Чрез десять дней после заключения его в Андрониевой обители он приведен был пешком в Патриарший приказ и оставался здесь целый день пред судьями на расспросе про челобитную, а потом снова отпущен в тот же монастырь. Там просидел он всего четыре недели. В Никитин день (15 сентября), когда происходил в Москве крестный ход, привезли Аввакума к Успенскому собору. Сам патриарх совершал литургию, Аввакума держали у порога храма, все ждали времени, как начнет патриарх "стричь" протопопа. Но когда оно настало, внезапно государь сошел с своего места, приблизился к патриарху и упросил его не стричь Аввакума. Патриарх уступил: Аввакуму, более других виновному, сделано было снисхождение, он остался протопопом. Его передали только в Сибирский приказ и потом сослали с женою и детьми в Тобольск, где местный архиепископ дал ему и священническое место. Если протопоп Неронов подвергся церковному наказанию вовсе не за ревность по вере, а за величайшее оскорбление патриарха пред лицом целого Собора, то и три другие протопопа, Даниил, Логгин и Аввакум, пострадали точно так же вовсе не за ревность по вере, а за то, что вздумали защищать пред царем в укор патриарху своего до крайности виновного патрона, а еще более за то, что дерзнули устроить самочинное сборище. Неизвестно в подробностях, как происходил суд над этими тремя протопопами и над теми богомольцами, которые взяты были в молельне Аввакума, но они судились несомненно по правилам Церкви (см. правила святых апостолов 31, 55 и святого Василия Великого 1 и др.), и если виновным предложено было тоекратное увещание, а они не раскаялись, то осуждены совершенно справедливо, хотя, без сомнения, при наказании их можно было бы обходиться с ними не с такою жестокостию и не предавать их такому позору.

Протопопа Неронова известили в его заточении, какая судьба постигла его ближайших друзей протопопов. И он написал к государю (от 6 ноября 1653 г.) ходатайственное письмо об этих "заточенных, и поруганных, и изгнанных", утверждая вопреки правде, что они осуждены мирским судом, а не по правилам Церкви, что много лет служили эти страдальцы и прежде и порока в них никакого не замечалось, да и сам Никон не делал тогда на них никакого извета,

а ныне они оболганы и Никон поверил клевете на них. Затем Неронов уверял, что не собственные скорби и страдания понудили его вопить к государю, но страх, как бы благочестие не было в поругании и гнев Божий не излился на Россию, и умолял царя утишить бурю, смущающую Церковь, прекратить брань, погубляющую сынов Церкви. Царь сам не отвечал Неронову, но духовник его Стефан, конечно по его поручению, два раза писал к бывшему своему другу, казанскому протопопу, и убеждал его смириться, быть в послушании патриарху, примириться с ним и извещал, что Никон патриарх оправдывает себя в своих действиях против него, ожидает от него и друзей его истинного покаяния и готов простить их. Но неукротимый Неронов с укорами отвечал (от 27 февраля 1654 г.) Вонифатьеву: зачем ты оскорбил меня?.. Я не могу принять твоего совета: мы ни в чем не согрешили пред отцом твоим Никоном патриархом... твой же отец Никон патриарх напрасно оправдывается: он смиряет нас неправильно, не по Писанию, но страсть свою исполняет и мучит нас за правду... Он ждет, чтобы мы попросили у него прощения, - пусть и сам он попросит у нас прощения и покается пред Богом, что оскорбил меня туне... и пр. От того же 27 февраля Неронов отправил обширное послание и к царю Алексею Михайловичу. Здесь прежде всего умолял о тех же "заточенных, поруганных, изгнанных без всякой правды" друзьях своих, осужденных будто бы мирским судом, а не по правилам Церкви, и напоминал царю о временах антихриста, когда Христовы рабы гонимы будут, носящие на себе знамение Небесного Царя. Потом указывал на известную "Память", или указ, Никона, содержащий два его распоряжения относительно поклонов во святую Четыредесятницу и относительно троеперстия для крестного знамения. Первое распоряжение называл прямо "ересью непоклонническою", и совершенно несправедливо, потому что так называемая ересь неколенопоклонников состояла в том, чтобы на молитве никогда не класть земных поклонов и молиться всегда стоя, а Никон вовсе не запрещал употребления земных поклонов ни в церковных, ни в домашних молитвах; он предписывал только, чтобы во святую Четыредесятницу при чтении молитвы святого Ефрема Сирина не клались одни земные поклоны (числом 17), а клались лишь четыре земных, прочие же все поясные. Против второго распоряжения Никона защищал двуперстие для крестного знамения и ссылался на Мелетия Антиохийского, Феодорита, Максима Грека, каковы эти доказательства, мы уже видели прежде. Далее уверял, что ничем не согрешил "пред мнимым владыкою" (т. е. Никоном) и что говорил к нему одну истину, вступившись за честь царского величества, им поругаемую и ни во что поставляемую, да и за своих страждущих братьев, и молил царя созвать Собор, на котором бы присутствовали не одни архиереи, но и другие духовные лица и добродетельные миряне всякого чина. Под конец послания выражался: "От патриарха, государь, разрешения не ищу, потому что он осудил меня не по правилам св. апостолов и св. отцов (совершенная неправда!), но своей ради страсти; я сказал ему правду, а он за то возненавидел меня, и не меня только, но всю братию - рабов Христовых". Прочитав это послание, царь дал приказ, чтобы Неронов впредь к нему не писал. И Вонифатьев, передавая этот приказ Неронову, извещал его вместе, что царь удивляется его упрямству и ни царь, ни царица не одобряют его, что "царь

государь положил свою душу и всю Русию на патриархову душу" и за патриархом ничего худого не видал, что относительно поклонов царь согласуется с государем патриархом и со властями, а крестное знамение будет, как было издревле. Но Неронов и теперь остался непреклонен и от 2 мая отвечал Вонифатьеву: "Пусть вы не блазнитесь о патриархе - все он доброе творит, но я соблазнился и братия, потому что он принял на себя мучительский сан и братию мучительно мучит, одних остриг, других проклял... Не вменяй в упрямство, что я не прошу у патриарха прощения: я не признаю себя согрешившим пред ним... Если патриарх ищет от нас послушания, то послушай и он Христа Спаса, повелевающего не воздавать злом за зло и ударившему в ланиту подставлять и другую..." и пр.

Но нам пора расстаться на время с Нероновым и его друзьями и обратиться к делу, на которое обращено было тогда все внимание патриарха Никона. Распоряжение, сделанное им лично от себя пред наступлением Великого поста в 1653 г. и направленное только против двух обрядовых новшеств, послужило для него как бы пробным камнем, чтобы узнать, как отзовутся на задуманное им исправление церковных обрядов и богослужебных книг. И он понял и убедился из сопротивления, оказанного Нероновым и его братиею, что действовать тут одною своею патриаршескою властью недостаточно, а необходимо ему, патриарху, иметь для себя опору в более сильной церковной власти - соборной. Проникнутый этим убеждением, Никон просил царя Алексея Михайловича созвать Собор, о чем в то же время была просьба к царю и от Неронова. Собор был созван в марте или в апреле 1654 г. и происходил в царских палатах. На Соборе "председательствовали благоверный и христоробивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя России самодержец, и премудрый великий государь святейший Никон, патриарх Московский и всея Великия и Малыя России" и присутствовали пять митрополитов: Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сербский Михаил; четыре архиепископа: Вологодский Маркелл, Суздальский Софроний, Рязанский Мисаил, Псковский Макарий; один епископ - Коломенский Павел; одиннадцать архимандритов и игуменов и тринадцать протопопов - всего, кроме председательствовавших, 34 человека, "ту же и царскому сигклиту предстоящу". Никон открыл Собор речью. Высказав сначала общие мысли, что нет ничего богоугоднее, как поучаться в заповедях Божиих и крепко на них утверждаться, и что, по словам благочестивого царя Юстиниана два величайшие дара даровал Бог людям по своей благодати: священничество и царство, из которых одно служит Божественным, а другое правит человеческими (делами), но оба, происходя от одного и того же начала, украшают человеческую жизнь и что они тогда только могут выполнять свое призвание, если будут заботиться о сохранении между людьми Божественных заповедей и церковных правил, Никон продолжал: "Посему должно и нам блюсти заповеди, преданные от Господа и Спасителя нашего, от св. апостолов и от св. отцов, собиравшихся на седми Вселенских и православных поместных Соборах. И так как (отселе говорил Никон словами, наиболее поразившими его в грамоте Восточных патриархов об утверждении Русского патриаршества), так как православная

Церковь получила совершенство не только в догматах боговедения и благочестия, но и в священноцерковном уставе, то справедливость требует, чтобы и мы потребляли всякую новину в ограде Церкви, зная, что новины всегда бывают причиною церковного смятения и разделения, и чтобы следовали мы уставам св. отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или отъятия. И мы по первому правилу Седмого Вселенского Собора со услаждением приемлем Божественные правила св. апостолов, св. Соборов Вселенских и Поместных и св. отцов как просвещенных от одного и того же Св. Духа, и кого они проклинали, и мы проклинаяем, кого они низвергли, и мы низвергаем, кого они отлучили, и мы отлучаем, кого они запретили, и мы запрещаем. Последуя этим апостольским и соборным правилам, и св. великий Собор, бывший во дни благочестивого царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, возгласил и утвердил следующее". Вслед за тем Никон приказал прочитать, если не сам прочитал, все сполна соборное деяние, или грамоту Восточных иерархов, собиравшихся в Константинополе в 1593 г. и утвердивших патриаршество в России. При чтении этой грамоты все присутствовавшие вновь слышали слова, приведенные уже Никоном, что должно потреблять всякие новины в Церкви и все преданное святыми отцами сохранять без всякого повреждения, приложения и отъятия, а вместе слышали и Символ веры, изложенный в грамоте Восточными святителями, и не могли не заметить тех, хотя и немногих, прибавлений и изменений, какие находились в употреблявшемся тогда у нас Символе. Когда чтение грамоты кончилось, Никон продолжал: "Посему я должен объявить вам нововодные чины церковные. В Служебниках московской печати положено, чтобы архиерейские молитвы, которыми архиереи разрешают многие грехи людские, священник пред совершением литургии читал от своего лица за самого себя, а в греческих Служебниках и в наших старых, писанных за сто, за двести, за триста лет и более, тех молитв не обретаются; положено еще пред началом литургии говорить отпуст (после часов) на всю церковь, чего ни в греческих, ни в наших старых не положено, да есть разности и в действиях за литургиею и в ектениях. Посему прошу решения: новым ли нашим печатным Служебникам последовать или греческим и нашим старым, которые купно обоим едины чин и устав показывают?" Тогда царь и преосвященные митрополиты, архиепископы и епископ, и весь освященный Собор - все единогласно отвечали: "Достойно и праведно исправить против старых - харатейных и греческих" Затем последовал целый ряд предложений и вопросов со стороны Никона и решений или ответов со стороны Собора. *Никон*: "В Уставах наших написано отверзать царские двери во время литургии только на малый выход и на великий, а у нас теперь они бывают постоянно отверсты от начала литургии до великого выхода. Скажите: по Уставу ли действовать или по нашему чину? А греки действуют согласно с нашим Уставом". *Собор*: "И мы утверждаем быть так же, как греческие и наши старые книги и уставы повелевают". *Никон*: "В наших Уставах написано в воскресный день начинать литургию в начале третьего (по-нынешнему, девятого) часа, а у нас ныне, когда случается соборный молебен, литургия начинается в начале седмого и осьмого (т. е. первого и второго) часа. Что скажете: по уставу ли св. отцов начинать литургию или по нашему обычаю в

начале седмого и осьмого часа, о чем нигде не написано?" *Собор*: "Быть по уставу св. отцов". *Никон*: "По 7-му правилу Седмого Вселенского Собора, при освящении церквей должно полагать в них мощи св. мучеников, а у нас в России все церкви освящаются без мощей; только в антиминсе вшивают частицы мощей, под престолом же мощей не кладут, а в старых наших Потребниках есть указ о том, чтобы под престолом класть три части св. мощей. Что об этом скажете?" *Собор*: "Быть по правилам св. отцов и по уставу, как написано в древних Потребниках". *Никон*: "По 15-му правилу Лаодикийского Собора, без малых ризиц (стихаря) никто не должен восходить в церкви на амвон, чтобы читать и петь, а у нас простецы без благословения, и двоеженцы, и троеженцы читают и поют в церквах. Что скажете?" *Собор*: "Также быть по правилам св. отцов". *Никон*: "В Уставах греческих и в наших старых написано о поклонах в великую Четырдесятницу, а в новых наших Ставах положено несогласно с греческими и нашими старыми, и о сем должно истинно испытать". *Собор*: "Быть согласно с древними Уставами". *Никон*: "В наших старых Потребниках и Службниках и в греческих указано служить на антиминсах, а ныне то не делается: антиминс полагают под покровом. И о сем рассудите". *Собор*: "Добро есть исправить согласно с старыми и греческими книгами". Затем благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович и великий государь святейший патриарх Никон повелели написать это соборное Уложение ради совершенного его укрепления, чтобы впредь быть исправлению церковных книг при печатании их по древним харатейным и греческим книгам, Ставам, Потребникам, Службникам и Часословам. И Никон вместе с митрополитами, архиепископами и епископом, с архимандритами, игуменами, протопопами и весь освященный Собор утвердили соборное Уложение подписями своих рук, "яко да имать в предыдущия лета непременно сему быти".

Таков был первый у нас Собор по делу исправления наших церковных книг и обрядов. Он не только признал необходимость исправления их, но утвердил самое начало, или правило, как вести это исправление. Патриарх Никон отнюдь не навязывал Собору своих мыслей; он только напомнил своим сопастырям, отцам Собора, их священный долг хранить неизменно все преданное святыми апостолами, святыми Соборами и святыми отцами и потреблять всякие новины в Церкви, а потом указал некоторые новины в наших тогдашних книгах и церковных обычаях и спрашивал, что делать. И сам Собор единогласно решил: достойно и праведно исправить новопечатные наши книги по старым - харатейным и греческим. Против такого решения нельзя было ничего сказать, потому что лучшего способа для исправления наших церковных книг не представлялось. Можно было только не соглашаться, что те или другие обряды, на которые указал Никон, суть новины, и такого рода несогласие действительно заявил один из присутствовавших на Соборе, епископ Павел Коломенский. Вместе с другими он подписался под соборным Уложением, но подписался так: "Смиранный епископ Павел Коломенский и Каширский, а что говорил на святем Соборе о поклонех, и тот Устав харатейной во оправдание положил zde, а другой писмянной". Своею подписью под актом Собора Павел неоспоримо засвидетельствовал свое согласие с Уложением Собора, а прибавкою

к своей подписи ясно выразил, в чем одном он не соглашался с прочими отцами Собора, против чего говорил на Соборе. Надобно заметить, что епископ Павел не в первый раз выражал теперь свое противоречие Никону по вопросу о поклонах. Еще в прошлом году, когда пред наступлением Великого поста издана была Никоном "Память" относительно земных поклонов, Павел находился в числе лиц, которые вместе с протопопом Нероновым восстали против этой "Памяти", написали на нее возражения и подали государю. Потому-то особенно возражения Павла на Соборе относительно поклонов и могли раздражить Никона: в них он мог увидеть как бы повторение прежних возражений всей враждебной ему партии. А может быть, Павел позволил еще себе в споре с патриархом какие-либо резкие выходки против него вроде тех, какие прежде на ином Соборе позволил себе протопоп Неронов, или, может быть, осмелился вообще упорно отвергать нужду в исправлении церковных книг. Как бы ни было, только Никон разразился над несчастным епископом страшную карою: низверг его с кафедры, снял с него мантию, предал его тяжкому телесному наказанию и сослал в заточение, вследствие чего Павел сошел с ума, и никто не видел, как погиб бедный, зверями ли похищен или в реку упал и утонул. Сам ли Никон единолично и без суда низверг епископа Павла, как говорили обвинители Никона на Соборе 1666 г., или низвержение Павла совершено было соборно, по правилам, как утверждал Никон на том же Соборе, указывая на то, что дело о низвержении Павла есть на патриаршем дворе, во всяком случае таким жестоким наказанием епископа Никон крайне повредил и себе и самому делу, за которое ратовал, потому что еще более ожесточил против себя своих противников и возбудил к ним сочувствие в народе. Казнь постигла Павла вскоре, если не тотчас, после Собора, на котором он осмелился возражать против Никона. Неронов в письме из своего заточения от 2 мая того же 1654 г. к царице Марье Ильинишне уже умолял ее ходатайствовать пред государем за "отца епископа Павла и братию: Даниила, протопопа костромского, и Аввакума, протопопа юрьевского, и Логгина, протопопа муромского, и прочих", как пострадавших совершенно будто бы невинно, а в письме от 13 июля к царскому духовнику Вонифатьеву выражался: "Епископа Павла, якоже слышу от боголюбцов, и бездушная тварь, видево страждуща за истину, разседеса, показуя сим церковныя красоты раздрание". Кроме этих наших домашних свидетельств есть о том достоверное свидетельство и одного иноземца. В августе 1654 г., 17-го числа, прибыл в Коломну Антиохийский патриарх Макарий со свитою, в которой находился и сын его, архидиакон Павел Алеппский. "Здесь, - как пишет этот самый архидиакон, - по приказанию царя и его министров нам велели остановиться в покоях епископа, потому что епископ за какую-то вину был сослан государем и патриархом в Сибирь". В этих покоях прожил патриарх Макарий со свитою по случаю свирепствовавшего тогда в Москве поветрия более пяти месяцев сряду, пока не открылась возможность отправиться в Москву. И во все это время, свидетельствует тот же архидиакон Павел, епископскою частию в Коломне заведовал соборный протоиерей: "Ему все крестьяне (епископа) приносили подати, а духовенство епархии свои дела; он являлся везде правителем и

начальником духовенства, получив над ним власть от царя и патриарха", и так продолжалось до самого назначения нового епископа в Коломну, Александра.

Противоречие, какое услышал Никон от епископа Павла на самом Соборе, рассуждавшем о необходимости исправления наших церковных книг и обрядов, вразумило Никона, что в таком важном деле недостаточно опираться на одно только Соборе своих русских архиереев и духовенства, а нужно призвать на помощь и Собор восточных православных иерархов. Сохранилась в двух списках грамота Никона к Цареградскому патриарху Паисию от 12 июня 1654 г. Здесь Никон, сказав о священном долге каждого духовного пастыря и предстоятеля церковной области хранить "опасно, чисто и непорочно" все преданные догматы и благочиние православной Церкви, писал: "Ныне же мы, рассмотривше прилежно в книгах наших, разнство в них обретохом от преписующих ли или от переводников, не ведущих языка греческаго, не вемы". Потом просил патриарха Паисия рассудить вместе с прочими патриархами и архиереями соборне и со всяким вниманием о замеченных в наших книгах разностях и новинах, для чего и перечислял эти новины, те же самые и в том же порядке, какие прежде предлагал на обсуждение Московского Собора. В заключение, упомянув, что некоторые у нас, неученые и не знающие греческого языка, считают эти новины не за разности, а за истину, дышат непокорством, заводят прения с благочестивыми и возжигают огонь ненависти, Никон просил Паисия ускорить ответом и советом как относительно исчисленных новин, так и о том, "что сотворити соблазняющимся о сих и непокорно прящимся". Грамота послана была к Цареградскому патриарху с Мануилом греком, может быть, эта самая, но только в посланной Никон вместо перечня немногих новин, указанных им на недавно бывшем Московском Соборе, изложил до 27 вопросов, на которые и просил ответа, в том числе и относительно этих новин, и прямо назвал епископа Павла Коломенского и протопопа Ивана Неронова как людей непокорных, которые держатся иных книг, литургии и знамения. Грек Мануил Константинов с дядею своим Юрием Володимеровым и другими товарищами прибыл в Путивль 17, а в Москву 28 февраля 1654 г. и 8 марта представлялся государю. Мануил привез из Царьграда по поручению Алексея Михайловича множество узорочных товаров и драгоценных камней, за которые и получил из государевой казны несколько тысяч рублей. В мае он начал уже собираться в возвратный путь, и 11 мая последовал указ дать Мануилу греку подводу и проводников до Путивля и до границы, а 15 мая приготовлена царская грамота гетману Хмельницкому, чтобы Мануила нигде в Малороссии не задерживали и проводили до волошской границы. Отсюда можем заключить, что Мануил грек выехал из Москвы отнюдь не позже июня или июля и что грамота Никона к патриарху Паисию, подписанная 12 июня, отправлена в Царьград, вероятно, вскоре после ее подписания.

Одновременно с тем, как отправлена была в Царьград грамота патриарха Никона, и даже прежде, чем она была отправлена из Москвы, здесь уже начали готовить все меры, необходимые для того, чтобы исполнить Уложение Московского Собора об исправлении наших церковных книг. Собор решил: исправлять эти книги по старым, харатейным славянским спискам. Царь и

патриарх приказали собрать в Москву из всех древних русских книгохранилищ славянские книги, писанные на хартии, и такие книги были высланы из монастырей: Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, новгородских - Юрьева и Хутыня и из пр. Собор решил: исправлять наши церковные книги не по одним славянским харатейным спискам, но вместе и по древним греческим. Царь и патриарх, находя, что старых греческих книг в России мало, отправили за ними со многою своею милостынею на Афон и в другие старожитные места на Востоке известного уже нам старца Арсения Суханова. Мы видели, что из первой своей поездки на Восток он возвратился в июне 1653 г. и привез с собой свой "Проскинитарий", из которого русские действительно могли убедиться, что православные Востока во многом разнятся от них при отправлении церковных служб и в некоторых церковных обычаях. Теперь на Арсения возлагалась совсем другая задача: ему поручалось не то, чтобы описать, как отправляли церковные службы и соблюдали церковные обряды тогдашние греки, около уже двух столетий страдавшие под невыносимым игом мусульман, а то, чтобы собрать древние греческие книги, из которых можно было бы видеть, как совершали церковные службы древние православные греки и по примеру их должны совершать все православные. Мы видели также, что при первой своей поездке на Восток Арсений вел жаркие прения с греками о вере, резко отстаивал употреблявшееся в России двуперстие для крестного знамения, укорял греков в разных отступлениях, и тогда же заметили, что не один Арсений, а и другие современные ему русские книжники точно так смотрели и на двуперстие и на греков. Теперь Арсений, проживши по возвращении с Востока довольно долго в Москве в то самое время, как Никон, прежде также смотревший на греков и крестившийся двумя перстами, сознал появившиеся в нашей Церкви новины, начал обличать их и старался восстановить древнее наше троеперстное крестное знамение, теперь Арсений изменился в своих мыслях, стал вместе с другими на сторону патриарха Никона, а не его противников и сделался ему совершенно единомысленным. Потому-то Никон и возложил на Арсения новое свое поручение, а по исполнении этого поручения Арсением определил его одним из справщиков церковных книг и вскоре сделал келарем Сергиевой лавры. Арсений отправлен был за греческими книгами со многою казною в самом начале 1654 г., и следовательно, еще до Московского Собора, бывшего в этом году, потому что 4 февраля он уже находился в Яссах, откуда и прислал царю отписку, сохранившуюся доселе, а в июле уже находился в Константинополе, как извещал (от 29 июля 1654 г.) нашего государя патриарх Паисий чрез грека Юрия Константинова. Арсений не ограничился одною Афонскою горою, а посетил и в этот раз кроме Царьграда Иерусалим и другие места Востока. Более всего книжных сокровищ нашел Арсений на Афоне в монастырях Ватопедском, Хиландарском, Иверском, Пантократоровом, Русском, Павловском и других, и оттуда доставлено было в Москву до 500 древних греческих книг. В числе их находились книги библейские, творения святых отцов и книги собственно богослужебные: Служебники, Требники, Уставы, Часословы, Триоди, Минеи и другие. Некоторые из этих книг писаны были за 400 лет, другие за 500, или 600, или 700 лет и более, а одно Евангелие даже за 1050 лет. Кроме того, не менее 200

древних книг прислали иерархи Александрийский, Антиохийский, Халкидонский, Никейский, Пекский, Охридский, Сербский и другие, которым посланы были просьбы из Москвы, а из Иерусалима прислал патриарх Евангелие, писанное за 600 лет прежде. В ноябре 1654 г. Арсений прислал к государю отписку из Волошской земли, и следовательно, находился уже на возвратном пути, а в январе 1655 г., вероятно, возвратился уже в Москву, по крайней мере в это время прибыл в Москву архимандрит Эсфигменского монастыря Анфим и привез с Афона книги и грамоту, в которой игумены, священники и старцы всех монастырей Святой горы писали, что "они от государя посланного старца Арсения приняли и отпустили честно, и его государское повеление исполнили, и книжные сокровища показали, и дали 498 книг, и с теми книгами послали к государю эсфигменского архимандрита Анфима". Впрочем, не все книги с Афона привезены теперь: настоятели некоторых монастырей, например Павловского, Хиландарского, сами доставили из своих монастырей книги уже в июле того года.

Для того чтобы исправлять наши церковные книги с древних греческих или вновь переводить книги с греческого языка на славянский, нужны были люди, хорошо знакомые с тем и другим языком. И таких людей нашел Никон. Это были: иеромонах Епифаний Славинецкий, вызванный еще в 1649 г. из киево-братского училища; строитель и потом келарь Сергиевой лавры Арсений Суханов; архимандрит Иверского афонского монастыря Дионисий, приехавший, впрочем, к нам с Святой горы уже в 1655 г., июня 26-го, для управления греческим Никольским монастырем в Москве и известный под именем Святогорца, и старец Арсений Грек. Последний, едва ли не более всех их пользовавшийся доверием патриарха Никона, Прибыл к нам в 1649 г. в свите Иерусалимского патриарха Паисия под именем уставщика. В Москве Арсений обратил на себя внимание тем, что знал многие языки, и государь пожелал оставить его у себя, на что Паисий и согласился. Но Паисий лично почти не знал Арсения и не мог за него поручиться, приняв его в свою свиту лишь в Киеве во время своего странствования в Москву. Потому когда отправился в обратный путь и, остановившись в Путивле, услышал здесь от приходивших малороссийских старцев и людей волошского воеводы разные неблагоприятные толки об Арсении, то счел нужным при благодарственном письме своем к царю от 1 июля 1649 г. за все его милости написать еще следующие слова: "Еще да будет ведомо тебе, благочестивый царь, про Арсения, который остался в твоём царстве: испытайте его добре, утвержден ли он в своей благочестивой христианской вере. Прежде был он иноком и священником и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие - испытайте его добре и все это найдете. Мне все подробно рассказали старцы, пришедшие от гетмана, - велите расспросить, что мне рассказывали те старцы и люди Матвея, воеводы волошского, будет ли так или нет, как я писал к брату и сослужителю моему патриарху Иосифу. Лучше прекратите эту молву, пока он сам (Арсений) здесь, чтобы не произошло соблазна церковного. А если я еще что проведаю подлинно, то напишу к Вашему величеству, ибо я должен, что ни услышу, о том извещать. Не подобает на ниве оставлять терние, чтобы она вся не заросла им: нужно удалять и тех,

которые держатся ереси и двуличны в вере. Я нашел его в Киеве и взял с собою, а он не мой старец... Я того про него не ведал, а ныне, узнав о том, пишу к Вашему величеству, да блюдете себя от таковых, чтобы не оскверняли Церкви Христовой такие поганые и злые люди". Вскоре за тем, именно 23 июля, такие же вести об Арсении Греке прислал Алексею Михайловичу и Арсений Суханов. Вследствие этого царь приказал боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому да думному дьяку Михаилу Волошенинову расспросить старца Арсения, и 25 июля они спрашивали его, где он родился и воспитывался, где и когда постригся и был ли священником, бывал ли в Риме и Польше и пр. И Арсений показал: родом он грек турецкой области; отец его Антоний был попом и строителем в великом новом селе города Трикала и имел пять сынов, которые все живы. Двое из них, Андрей и Иван, живут в мире, третий - Димитрий протопопом, четвертый - Афанасий архимандритом, а пятый - он, Арсений. Знающие его, Арсения, есть здесь на Москве приезжие греки одного с ним города: одного зовут Памфилом, другого Иваном; прозвищ их не помнит. Крещен в младенчестве, и, сказывают, восприемником ему был того же города архиепископ. Грамоте и церковному кругу учился у отца своего, а потом брал его с собою четырнадцати лет в Венецианскую землю брат его архимандрит Афанасий для учения, и в Венеции он выучился грамматике. А из Венеции тот же брат свез его для учения в Рим, где и был он пять лет и учился в школе Омирову и Аристотелеву учению и семи Соборам. Когда же дошло до Осьмого и Девятого Собора, то от него, Арсения, потребовали присяги с клятвою, что он примет римскую веру, ибо иначе того учения никому не открывают и учить не велят. Видя то, он прикинулся больным и уехал из Рима, чтобы не отпасть от греческой веры. Тут Арсения спросили, у кого он жил в Риме и от кого приобщался святых Христовых Тайн или он принимал сакрамент. И Арсений сказал: жил он в Риме у греческой церкви св. Афанасия Великого, где живет православный митрополит греческой веры с пятью или шестью греческими старцами. С ними-то и жил он, Арсений, и принимал причастие Христовых Тайн от того митрополита, а сакрамента в Риме не принимал. Да и митрополит тот держит только семь Соборов, а Осьмого и Девятого не держит и к папе не приобщается. Только когда папа велит ему быть на Соборе, он на Соборы к папе ходит и за папу Бога молит. Арсению заметили, что он говорит ложь, будто жил в Риме у греческой церкви и митрополит тот не униат, когда всему свету известно, что папа приводит всех иноверцев в Риме к своей вере посредством унии и другими мерами, не только учащих в школах, но и приводимых туда пленных, и когда митрополит тот ходит к папе на Соборы и молится за него, и что ему, Арсению, как бывшему сообщнику того митрополита и униату, следовало бы принести чистое покаяние Богу и повиниться пред государем и сказать правду. Арсений отвечал: он говорит правду, что, находясь в Риме, в униатстве не был и сакрамента не принимал. Не хотя приобщиться к римской вере, он из Рима переехал в венецианский город Бадов и там три года учился философским наукам и лекарскому учению. А из Бадова он пришел в Царьгород к брату своему, архимандриту Афанасию, и желал постричься. Но постричь его не хотели, думая, что он в римской вере, и он сказал, что ни в Риме, ни в Венеции не бывал в римской вере, и пред всеми ту римскую веру проклял

трижды. Братья хотели его женить, но он не согласился и постригся 23 лет. На другой год поставлен в диаконы, а вскоре за тем в попы от Ларийского епископа Каллиста. После того вскоре тот же епископ поставил его на Кяфе острове в Богородицкий монастырь игуменом, и был он там игуменом шесть месяцев. Из монастыря ездил он, Арсений, в город Хию купить книг о седми Соборах, но книг не добыл, и отправился в Царьгород, и, находясь у одного великого человека, грека Антония Вабы, учил сына его грамматике. Из Царьгорода приехал в Мутьянскую землю к воеводе Матвею и жил у него три месяца. От Матвея воеводы приехал в Молдавскую землю к воеводе Василию и жил у него два года. Из Молдавии переехал в Польшу, в город Львов, и тут ему сказали, что есть школа в Киеве, только без королевской грамоты его в ту школу не примут. И он, Арсений, ездил о том бить челом к королю Владиславу в Варшаву. Король был тогда болен каменною болезнию, и Арсений, которого рекомендовали королю как искусного врача, вылечил его, и Владислав дал в Киев к митрополиту Сильвестру Коссову от себя грамоту, чтобы Арсения в школу приняли. Арсению сказали: государю сделалось известным, что он, Арсений, был униатом и, оставя чернечество и иерейство, был бусурманом, а из бусурманства был опять в униатстве, и он бы ныне про то сказал правду. Арсений: то про него кто-то говорит неправду: униатом и бусурманом он не бывал. А если кто уличит его, что он был униатом и бусурманом, тогда пусть царское величество велит снять с него кожу - милости в том он у государя не просит. Арсению заметили, что бусурманство свое он, без сомнения, таит, а когда оно обнаружится, ему нечем будет оправдаться. Арсений повторял прежние свои речи и продолжал: был тогда в Царьграде патриарх Парфений, который хотел поставить его, Арсения, епископом над двумя епископиями, Мофонскою и Корейскою. Но визирь, узнав, что он, Арсений, долгое время жил в Венеции и будто привез оттуда многую казну, чтобы купить себе у патриарха те епископии и с ними приложиться к венецианам, с которыми у султана начиналась тогда война, велел схватить его, Арсения. И было ему многое истязание, и платье с него сняли и камилавку, надели на него чалму и вкинули его в тюрьму. Сидел он в той тюрьме недели с две и ушел из нее в Мутьянскую землю, а бусурманом не бывал. Тогда Арсению объявили, что о его униатстве и бусурманстве писал государю и святейшему Иосифу сам патриарх Паисий, который слышал о том от киевских старцев, пришедших от гетмана. Арсений: те киевские старцы сказывали про него патриарху Паисию ложь. Он униатом и бусурманом не бывал, а как он по наносу на него визирю сидел в тюрьме и там было ему мученье, о том он рассказал патриарху Паисию и во всем ему исповедовался, и патриарх его во всем простил. Арсению возразили, что патриарх Паисий вовсе о том доселе не знал, как сам пишет, а если бы знал, то он бы его, Арсения, для риторского учения в Московском государстве не оставил. *Арсений*: в том он пред Богом грешен и пред государем виноват, что такова дела царскому величеству не известил, а обусурманен-де он неволею. Когда же он после того пришел в Волошскую землю, то митрополит Янинский Иоасаф его, Арсения, в вере исправил и миром помазал. Да и патриарху Паисию он про то объявил же и покаяние принес. И патриарх в том его простил, и благословил, и грамоту прощальную и благословенную ему дал, и та грамота

патриархова и ныне у него, Арсения. А государя он не известил потому, что его Паисий патриарх простил и служить ему велел. На Москве ж остался он не своею волею - про то известно великому государю. Тем и окончилось расспросное дело Арсения Грека, которое мы намеренно привели целиком, чтобы всякий мог судить, насколько Арсений виновен. Хотя и вероятно, что он принял унию в Риме, как должны были принимать ее все греки, обучавшиеся в Римской греческой коллегии, но сам он в этом не сознался и по возвращении на родину трикратно пред всеми проклинал римскую веру. Если он и был обусурманен, то обусурманен неволею и потом покался в этом, был присоединен к Церкви чрез миропомазание Янинским митрополитом и от самого патриарха Паисия получил прощальную и благословенную грамоту. В Москве, однако ж, этим не удовольствовались. Июля 27-го по указу государя описана была вся рухлядь Арсения на Ростовском подворье, где он остановился, в том числе были многие греческие печатные книги, богослужебные, святых отцов - Кирилла Иерусалимского, Златоуста, Иоанна Дамаскина, древних писателей - Гомера, Аристотеля и учебные - грамматика, лексикон и др. И того же числа дан был указ боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову сослать греческого старца Арсения в Соловецкий монастырь "для исправленья православной греческой веры", а 30 июля послан был от царя указ в Соловецкий монастырь, чтобы, когда будет привезен туда грек старец Арсений "для исправленья православной христианской веры", то отдали бы его под крепкое начало уставщику Никодиму и береженье к нему велели держать большое, из монастыря его никуда не выпускали, а пищу, и одежду, и обувь давали ему братскую. От 3 сентября игумен и братия Соловецкого монастыря известили государя, что старец Арсений Грек к ним прибыл и воля государева будет исполнена.

В Соловецком монастыре за Арсением внимательно следили, подробно его расспрашивали и составили о нем краткое биографическое известие. Оказывается, что он в молодые годы, когда обучался в латинских училищах, действительно переменял веру и был в унии, как сознался на исповеди духовнику своему священнику Мартирию, потому что иначе не принимали в те училища. Но, возвратившись в Грецию, снова принял православие и даже посвящен был во священника, постригшись в монашество. В Соловках прожил Арсений около трех лет "в добром послушании у инока Никодима" и успел научиться славянской грамоте и русскому языку. После столь продолжительного испытания иноки соловецкие убедились, что Арсений вовсе не еретик и "что в нем обрели здраво, в том его и похвалили: обрели в нем здоровое исповедание веры, без приложения и без отъята". Но заметили, что он плохо исполнял внешние обряды: поклоны, посты и пр. Он даже будто бы молился не тремя, а двумя перстами, как молились тогда иноки соловецкие, и вообще восхвалял русские церковные обряды, а о греках говорил: "У нас много потеряно в неволе турецкой... нет ни поста, ни поклонов, ни молитвы келейной..." Такие добрые отзывы о вере Арсения Грека Никон мог услышать в самом Соловецком монастыре, когда приходил туда за мощами святителя Филиппа, и потом мог передать и государю. Да и власти монастырские обязаны были донести в Москву, каким нашли Арсения, который прислан был оттуда в

их обитель собственно на испытание. Наконец, и сам Арсений Грек бил челом государю: сослан-де он в Соловецкий монастырь, и, по правилам св. отец, урочные лета в запрещении ему прешли, по Второму Поместному Собору, и государь бы пожаловал велел его из-под начала свободить и быти в монастыре, где государь укажет. Неудивительно, если Никон, основываясь на свидетельстве соловецких иноков о правоверии Арсения после трехлетнего его испытания, лишь только сделался патриархом, решился с соизволения государя вызвать Арсения к себе как человека ученого, правоверного и способного послужить своими знаниями на пользу Церкви; дал ему келью в своем патриаршем доме, сделал его библиотекарем своей патриаршей библиотеки и одним из справщиков и переводчиков книг с греческого языка. А Неронов, может быть не зная об этом свидетельстве о правоверии Арсения или по одному лишь озлоблению против Никона, уже в 1654 г. ставил ему в укор, зачем он взял к себе в справщики книг грека Арсения, которого патриарх Паисий назвал будто бы еретиком. Надобно присовокупить, что для удобнейшего наблюдения за печатанием новоисправленных книг царь приказал еще в 1654 г. передать Печатный двор со всеми его учреждениями и справщиками книг, доселе находившийся в ведении Приказа Большого дворца, патриарху Никону в его непосредственное и полное распоряжение.

Весьма важным обстоятельством для Никона в деле исправления книг послужило последовавшее тогда прибытие в Москву двух новых патриархов: Антиохийского Макария и Сербского Гавриила. Макарий еще в 1653 г. от 15 марта писал царю Алексею Михайловичу, что прибыл в Молдавию и проживает у молдаванского воеводы Иоанна - Василия, а после Пасхи, если даст Бог здоровье, намерен отправиться в Россию, почему и просил, чтобы государь разрешил ему это и приказал путивльским воеводам принять его и проводить к Москве. В феврале следующего года в Москве получена была весть, что патриарх Макарий находился уже в Мутьянской земле у воеводы Матфея, что туда же прибыл патриарх Сербский и Болгарский, архиепископ Пекский Гавриил и оба патриарха живут в одном монастыре. Здесь они познакомились и положили между собою, чтобы прежде ехал к царю Сербский патриарх. К 1 мая 1654 г. он уже приехал в Путивль и, называя себя ватопедского Вознесенского монастыря архиепископом, патриархом Сербским и Болгарским, объявил, что едет в Москву за милостынею по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича, данной означенному монастырю еще в 1641 г., почему немедленно и был отпущен из Путивля в Москву воеводою Степаном Пушкиным. Но когда известие об этом получено было в Москве, то отсюда послан был путивльскому воеводе указ, чтобы он впредь никого из греческих властей в Москву не пропускал, потому что государя нет в Москве, он пошел на войну против своего недруга, польского короля, а навстречу Сербскому патриарху Гавриилу отправлен был толмач Посольского приказа Афанасий Букалов, чтобы остановить его и воротить в Путивль. Из Путивля Гавриил обратился с просьбою к патриарху Никону и только по его ходатайству получил позволение ехать в Москву, куда и прибыл к 28 мая. Затем 5 июня в Посольском приказе патриарх Гавриил объявил, что в области его было 8 митрополитов и 32 епископа; выехал он из своей земли от насилия неверных на жительство в Россию, и

теперь место его никем не занято; привез он с собою грамоты к царю и патриарху Никону от Антиохийского патриарха Макария и от гетмана Хмельницкого да кроме того привез письменные книги - Типик и Сборник патриарха Цареградского Михаила Кавасилы на латинскую ересь да жития и повести святых сербских царей и патриархов с целию, не найдет ли патриарх Никон полезным напечатать эти книги; еще привез три книги, которыми кланяется латриарху Никону: свиток житий святых сербских, тетради Кирилла, философа и учителя славян, и книгу святого Василия Великого с тремя напечатанными литургиями. Государя в Москве Гавриил действительно уже не застал, а через полтора месяца с небольшим по случаю открывшегося в Москве морового поветрия удалился из нее и Никон с царским семейством. Гавриилу пришлось здесь быть свидетелем того страшного опустошения, какое производила свирепствовавшая эпидемия. В числе других жертв она похитила и многих из духовенства, так что некоторые церкви оставались без пения. За отсутствием Никона стали обращаться с просьбами к Сербскому первосвятителю, чтобы он ставил новых попов и диаконов. Он отнесся к Никону, и Никон прислал ему (в декабре 1654 г.) грамоту, которой уполномочивал его рукополагать ставленников в попы и диаконы согласно с действовавшими в Москве патриаршими указами. К 20-му числу июля того же 1654 г. прибыл в Путивль и Антиохийский патриарх Макарий и чрез несколько дней отправился далее. Но когда он проехал уже Калугу, его встретил присланный из Москвы переводчик Посольского приказа Иван Боярчиков, объяснил ему, что в столице свирепствует поветрие и от имени государя просил остановиться на время в Коломне, а между тем от 4 августа государь дал указ приготовить в Коломне для помещения Антиохийского патриарха и его свиты "Коломенского епископа двор" и давать патриарху и его свите "хлебные и рыбные запасы из запасов Коломенского епископа". Прожить в Коломне патриарху пришлось более пяти месяцев. И так как в городе этом не было тогда своего епископа (Павел был уже сослан в заточение), то патриарх Макарий часто совершал службы в коломенских церквах, а по прекращении эпидемии, которая опустошила и Коломну с ее округом, рукоположил многих священников и диаконов для Коломенской епархии. В Москву прибыл Макарий только 2 февраля 1655 г., за восемь дней до возвращения в нее государя из Литовского края. По назначению царя Алексея Михайловича оба патриарха представлялись ему в один и тот же день - 12 февраля. Сначала представился Антиохийский Макарий, и принят был в Золотой палате с величайшими почестями, как прежде принимались Иерусалимские патриархи Паисий и Феофан, и тут же получил от государя разрешение идти для представления к патриарху Никону. После Макария представился государю и патриарх Сербский Гавриил, но принят был так, как прежде принимались митрополиты и архиепископы, и такие же получил от государя дары, а затем пошел также явиться Никону и еще застал у него Макария. Здесь все трое вместе приглашены были они к царскому столу по случаю бывших в тот день именин царевича Алексея Алексеевича. Антиохийскому патриарху, естественно, оказывали у нас полное предпочтение пред Сербским, так как последний не был признаваем в патриаршем достоинстве всюю Восточною Церковию. Оба патриарха,

Антиохийский и Сербский, оставались у нас долго; оба с позволения государя путешествовали в Троице-Сергиев и другие монастыри, а также в Новгород; оба весьма часто приглашаемы были Никоном совершать с ним богослужения. Но, самое важное, оба, особенно же Антиохийский, послужили Никону как могли в деле исправления церковных книг и обрядов.

Случай к тому скоро представился. Настала неделя православия. Богослужение в этот день совершалось в Успенском соборе с необыкновенною торжественностью. В нем участвовали три патриарха, Московский, Антиохийский и Сербский, пять других русских архиереев и множество архимандритов, игуменов и прочего духовенства. Храм был переполнен молящимися, в числе которых находился и сам царь. Когда литургия окончилась, вместе с обрядом православия, происходившим тотчас после Трисвятого, патриарх Никон, сопровождаемый духовенством, вышел на амвон, где уже приготовлен был аналой. "Один из диаконов, - как описывает очевидец события Павел Алеппский, словами которого мы и воспользуемся, - открыл пред патриархом книгу Бесед, из которой он и начал читать Беседу, соответствующую дню, о поклонении св. иконам. А прочитав ее всю от начала до конца, присоединил к ней еще собственные объяснения и увещания очень обширные: он говорил против новых икон. Некоторые московские живописцы мало-помалу при писании икон переняли манеру польских и франкских живописцев, и иконы, написанные таким образом, назывались новыми. Никон, будучи великим ревнителем и до крайности любя греческие обряды, послал своих людей, которые и позабрали иконы нового письма отовсюду, где их ни находили, даже из домов самых знатных сановников, и принесли к патриарху. Это происходило в прошлое лето (т. е. 1654 г.) в отсутствие царя, до появления морового поветрия. Никон приказал своим служителям выколоть глаза у собранных новых икон и в таком виде носить их по городу и объявлять царский указ, угрожавший строгим наказанием тем, кто впредь осмелится писать подобные иконы. Москвитяне, весьма приверженные к иконам, как бы они ни были написаны... увидя это, пришли в сильное негодование и говорили, что патриарх тяжко погрешил. Осыпая его бранью, они делали сходбища, на которых прямо называли его иконоборцем. Когда же при таком настроении умов обнаружилась моровая язва и случилось солнечное затмение, то все стали говорить, что это наказание Господне за нечестие патриарха, ругающегося над св. иконами. Озлобление на Никона было так велико, что покушались даже убить его... Теперь, когда царь находился уже в Москве и присутствовал в церкви, патриарх смело повел речь против новых икон и пространно доказывал, что писать иконы по франкским образцам незаконно. При этом, указывая на некоторые новые иконы, вынесенные к аналою, ссылался на нашего владыку патриарха во свидетельство того, что иконы те написаны не по греческим, а по франкским образцам. Затем оба патриарха предали анафеме и церковному отлучению всех, кто впредь будет писать или держать у себя в доме франкские иконы. Причем Никон брал одну за другою подносимые ему новые иконы и, каждую показывая народу, бросал на железный пол с такою силою, что иконы разбивались, и наконец велел их сжечь. Тогда царь, человек в высшей степени набожный и богобоязненный, слушавший в смиренном молчании проповедь

патриарха, тихим голосом сказал ему: "Нет, батюшка, не вели их жечь, а лучше прикажи зарыть в землю". Так и было поступлено. Каждый раз, когда Никон брал в руки какую-либо из незаконных икон, он приговаривал: эта икона взята из дому такого-то вельможи, сына такого-то (все людей знатных). Он хотел пристыдить их всенародно, чтобы и другие не следовали их примеру". Можно судить, до какой степени должна была поразить присутствовавших в церкви проповедь Никона, сопровождавшаяся такими действиями и свидетельством Антиохийского патриарха. Но Никон этим не ограничился: вслед за проповедью против новых икон он начал проповедь еще против другого новшества - против двуперстного крестного знамения. "Он говорил, - продолжает Павел Алеппский, - с таким же жаром, как прежде, о том, что москвитяне неправильно полагают на себя знамение креста: крестясь, они складывают персты руки не так, как складываем мы, а как святители благословляют. В подтверждение своих мыслей Никон опять сослался на нашего владыку: он-то и сказал Никону еще прежде, что не так следует креститься, как крестятся москвитяне. Владыка наш, призванный теперь Никоном во свидетели, обратившись к народу, сказал через переводчика: "В Антиохии, а не в другом месте последователи Христа начали в первый раз называться христианами, и оттуда пошли все церковные обряды. Но ни там, ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни на горе Синае, ни на Св. горе, ни в Молдавии, ни в Валахии, ни у казаков никто не крестится так, как вы, а все согласно употребляют иное перстосложение".

Прошло уже более восьми месяцев, как отправлено было Никоном с Мануилом греком послание к Цареградскому патриарху Паисию по вопросам церковным, но ответа не было. В Москве могли подумать, что или послание не доставлено по назначению при затруднительности тогдашних сообщений с Константинополем, или сам Паисий уже свержен с кафедры при тогдашней постоянной смене Цареградских патриархов. Как бы, впрочем, ни было, только Никон решился, не дождавшись ответа из Царьграда, созвать в Москве новый Собор. Об этом Соборе сохранилось два современных, хотя и весьма кратких, сказания. Первое принадлежит архидиакону Павлу Алеппскому и драгоценно потому особенно, что ясно обозначает время, когда происходил Собор. Собор происходил, по свидетельству Павла, в продолжение пятой седмицы Великого поста (которая в 1655 г. обнимала числа с 25 по 31 марта). И это свидетельство тем несомненнее, что Павел вел как бы дневник событий, более или менее касавшихся его отца, патриарха Макария, со времени прибытия его в Москву и описал в своем сочинении как то, что случилось замечательного прежде этой пятой седмицы Великого поста, так и то, что совершилось после. О самом Соборе Павел передает следующее: "Собор созван был по тому случаю, что наш владыка (Макарий) обратил внимание Никона на разные новины и недостатки в их церковных обрядах. Ибо русские а) совершают литургию не на антиминос, как мы, с изображениями и частицею св. мощей, а просто на куске белого холста; б) из просфоры, назначенной для Агнца, вынимают не девять частиц, а только четыре; в) в Символе веры делают ошибочные изменения; г) прикладываются к иконам только раз или два в году; д) не раздают в церкви антидора; е) ошибочно творят знамение креста, слагая для того персты не так, как должно; ж) ошибочно думают о крещении поляков, полагая, что их нужно

во второй раз крестить (при обращении в православие). На этом же Соборе были рассматриваемы и другие недостатки в (русских) обрядах и церемониях. Патриарх Московский вообще много слушался советов нашего владыки и в настоящем случае перевел с греческого языка на русский Служебник так хорошо и с такими пояснениями, что, кажется, и дети могли понимать теперь смысл греческих обрядов. Этого перевода Никон напечатал несколько тысяч экземпляров и разослал их по всем церквам страны. Велел также напечатать более 15000 антиминов с свящ. изображениями и, вложив в них частицы св. мощей, разослал по всем церквам... В заключение отцы Собора объявили, что вторичное крещение поляков незаконно, опираясь на мнение нашего владыки патриарха и на постановления, заключающиеся в Евхологии и Номоканоне, так как поляки веруют и крещаются во Св. Троицу и не настолько разнятся от нас, как прочие еретики и лютеране, напри. шведы, англичане, венгры и другие франкские секты, которые не соблюдают постов, не поклоняются иконам, не творят на себе крестного знамения и пр. Никон, любя все греческое, с жаром принялся за такие исправления и говорил на Соборе присутствовавшим архиереям, настоятелям монастырей и пресвитерам: "Я сам русский и сын русского, но моя вера и убеждения греческие". На это некоторые из членов высшего духовенства с покорностью отвечали: "Вера, дарованная нам Христом, ее обряды и таинства, все это пришло к нам с Востока". Но другие - так как во всяком народе бывают люди упрямые и непокорные - молчали, скрывая свое неудовольствие, и говорили в самих себе: "Не хотим делать изменений ни в наших книгах, ни в наших обрядах и церемониях, принятых нами исстари".

Только эти недовольные не имели смелости говорить открыто, зная, как трудно выдержать гнев патриарха, как поступил он с епископом Коломенским, которого сослал в заточение. Согласившись с мнением Собора о незаконности перекрещивания поляков, Никон тут же передал нашему владыке патриарху шесть священников, приведенных в плен из Польши", как видно из описания, униатских, которых потом Антиохийский первосвященитель и присоединил всех к православной Церкви не чрез крещение, а чрез миропомазание.

Другое современное сказание об этом Московском Соборе находится в предисловии к Служебнику, напечатанному патриархом Никоном. Здесь говорится, что на Соборе присутствовали три патриарха, Московский Никон, Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, "с митрополиты и архиепископы, со архимандриты и игумены и со всем освященным Собором". Ни о царе, ни о епископах не упомянуто, потому что царь незадолго до Собора, 11 марта, в воскресенье второй седмицы Великого поста, уехал на войну, а епископ единственной тогда у нас епископии - Коломенский Павел еще в прошлом году был низложен и сослан в заточение, преемник же ему еще не был назначен. Далее говорится, что на Соборе занимались рассмотрением древних греческих и славянских рукописных книг, к которым Антиохийский патриарх Макарий присовокупил и свой Служебник и другие книги, и "обретоша древния греческия с ветхими славенскими книгами во всем согласующая; в новых же московских печатных книгах с греческими же и славенскими древними, многая несогласия и погрешения". Необходимо допустить, что хотя Собор продолжался

и целую неделю, но такое сличение древних книг с новопечатными московскими сделано было не на самом Соборе, а предварительно было подготовлено учеными справщиками Епифанием Славинецким, Арсением Греком и другими, на Соборе же было только прочитано или показано отцам и проверено ими. Наконец, говорится, что Собор, избравши из всех книг одну - Служебник, и "во всем справя, и согласну сотворя древним греческим и славенским", повелел напечатать ее в Москве и вместе узаконил исправить согласно с древними греческими и славянскими книгами и прочие богослужебные книги, в которых обретаются погрешности. Разумеется, что и исправление Служебника было подготовлено прежде справщиками, а на Соборе только рассмотрено, проверено и одобрено. Но справедливость требует заметить, что в изложенном нами сказании о Соборе 1655 г. допущена хронологическая ошибка: именно говорится, будто Собор происходил уже после того, как царем и Никоном получено было ответное соборное послание от Цареградского патриарха Паисия на посланные ему вопросы, и будто это послание было даже прочитано при открытии Собора вместе с Уложением Московского Собора 1654 г. Этого не могло быть, потому что, как сейчас увидим, означенное послание было доставлено в Москву спустя более месяца по окончании рассматриваемого нами Собора. Вообще, составитель предисловия к никоновскому Служебнику, которое вместе с Служебником было напечатано уже по получении соборного послания от патриарха Паисия, стараясь с возможною краткостью изложить все начавшееся дело исправления церковных книг, мало заботился о хронологической точности и не везде соблюл порядок событий: говорит, например, будто царь и Никон, только получив и прочитав соборное послание, или деяние, от патриарха Паисия, "изволиша" отправить старца Арсения Суханова на Афонскую гору за греческими книгами, между тем как Арсений послан был туда еще в начале 1654 г., а в начале 1655 г. уже возвратился в Москву.

К 1 мая 1655 г. приехал в Путивль грек Мануил Константинов, тот самый, с которым в прошлом году послана была из Москвы грамота к Цареградскому патриарху Паисию по церковным вопросам. Из Путивля Мануил поспешил в Смоленск, чтобы представиться находившемуся там государю, а оттуда прибыл в Москву и 15 мая в Посольском приказе показал: послал его, Мануила, к государю царю Алексею Михайловичу и к святейшему патриарху Никону Цареградский патриарх Паисий "с грамотами, и *соборною книгою*, и о надобных государевых делех с изустным приказом". Выехал он из Царьграда в 27-й день минувшего декабря (т. е. 1654 г.), и хотя патриарх велел ему ехать наспех, но "за воинскими людьми ему поспешить было не мочно", и пр. Грамота Паисия к царю, которую привез Мануил, писана была 20 декабря 1654 г. В ней после обычных приветствий Паисий сначала извещал царя, что "получил грамоту от святейшего Никона и от священного Собора католической Церкви с вопросами о том, что потребно для православных христиан". Затем просил у царя извинения, что "о церковных потребах, о которых писал святейший Никон, позабывал: вскоре учинить то было невозможно одному без священного Собора, а архиереи по дальности расстояний скоро прийти не могли". Наконец, говорил: "Как только свящ. Собор к нам сошелся, мы то святое дело о

церковных потребах рассудили и совершили и теперь посылаем того же Мануила к Вам "с Вашими царскими и святительскими потребами". Из этих подлинных и несомненных документов очевидно, что ответное послание патриарха Паисия, или, точнее, соборное деяние, соборная книга, было получено в Москве только 15 мая 1655 г., следовательно, спустя полтора месяца после Московского Собора, происходившего в конце марта. Впрочем, хотя послание Паисия получено в Москве и после означенного Собора, оно от того нисколько не потеряло своей силы и значения. Оно послужило, с одной стороны, новым подкреплением и оправданием решений этого Собора, а с другой - новой опорой и побуждением для Никона к ревностному продолжению начатого им дела. И потому заслуживает полного нашего внимания.

Послание свое Цареградский патриарх Паисий после братского приветствия патриарху Никону начал следующими словами: "Мы много благодарили и каждый день благодарим Бога, после того как получили грамоты твоего преблаженства чрез возлюбленного сына нашего Мануила. Из них мы узнали твое величайшее благоговение к Богу и пламенную ревность, какую имеешь ты относительно предметов нашей православной веры и чинов нашей Церкви. И это соединяешь ты, как свидетельствует общая молва приходящих из вашей страны, с крайнею рассудительностию и благоразумием, с безупречным смиренномудрием и всякими другими благими действиями, какие украшают истинного пастыря овец Христовых. Да будет препрославлено вовеки имя Господа нашего Иисуса Христа, что Он из рода в род воздвигает людей достойных служить назиданию Его Церкви и благоустроению Его стада. Да соблюдет тебя благодать Его на многие лета, да пасешь овец твоих богоугодно, как начал, до конца и да представишь стадо твое непорочным Пастыреначальнику Иисусу. Таким мы признаем тебя и с радостию отвечаем на твои вопросы по благодати, какую благоволит подать нам Дух Святой, Которого призываем всегда на всякое наше начинание. Но только молю твое преблаженство, что если какой-либо ответ наш покажется вам вначале не согласующимся с вашими обычаями, то не смущайтесь, а напишите к нам снова, чтобы узнать нашу мысль, да будем всегда соединены как во единой вере и во едином крещении, так и во едином исповедании, говоря всегда одно и то же едиными устами и единым сердцем и не разнясь между собою ни в чем... Вижу из грамот твоего преблаженства, что ты сильно жалуешься на несогласие в некоторых обрядах, замечаемое в поместных Церквах, и думаешь, не вредят ли разные обряды нашей вере. Хвалим мысль, ибо, кто боится преступлений малых, тот предохраняет себя и от великих. Но исправляем опасение, ибо мы имеем повеление апостола бегать только еретиков, по первом и втором наказании, как развращенных (Тит. 3. 11), равно и раздорников, которые, хотя кажутся согласующимися с православными в главных догматах, имеют, однако ж, свои особенные учения, чуждые общему верованию Церкви. Но если случится какой-либо Церкви разнствовать от другой в некоторых уставах, не необходимых и не существенных в вере, т. е. касающихся не главных членов веры, а вещей маловажных, каковы: время служения литургии или какими перстами должен благословлять священник и под., то это не делает никакого

разделения между верующими, лишь бы только непреложно сохранялась одна и та же вера. Церковь наша не от начала приняла весь тот устав чинопоследований, какой содержит ныне, а мало-помалу. Прежде, как говорит св. Епифаний Кипрский, читали в церкви только одиннадцать псалмов, а потом больше и имели разные степени постов и мясоядений... И прежде святых Дамаскина, Космы (Маюмского) и иных песнотворцев мы не пели ни тропарей, ни канонов, ни кондаков. Но так как во всех Церквах непреложно сохранялась одна и та же вера, то эта разность в чинах не считалась тогда чем-либо еретическим. Посему и ныне не должно думать, будто извращается наша вера православная, если кто-либо творит последование, немного отличное от другого в вещах несущественных, т. е. не касающихся догматов веры, - только бы в нужном и существенном оно было согласно с соборною Церковию". Выказав таким образом свои общие мысли, как смотреть на разности в церковных чинах, и указав затем на книгу "Православное исповедание", из которой можно узнавать, какие суть нужные и существенные члены нашей веры, патриарх Паисий перешел к изложению самых ответов на присланные ему из Москвы вопросы. Не будем разбирать всех этих ответов, а остановимся только на тех из них, которые по тому времени были наиболее важными. В первом и самом обширном ответе Паисий изъяснил кратко не только состав, но и таинственное знаменование того чина Божественной литургии, какой содержался тогда на всем Востоке, и в заключение присовокупил: "Вот чин, который содержим мы в нашей литургии и который, надеемся, держите и вы. Или если в чем-либо разнствуете, то согласуйтесь с нами и вы по этому законоположению, которое мы неизменно храним, как преданное от начала, да едиными усты и единым сердцем прославим обои единого Бога и Отца и Единородного Сына Его Господа нашего Иисуса Христа с Пресвятым Духом". Эту же самую мысль, только несколько подробнее, повторил Цареградский первосвятитель и в седьмом ответе нашему патриарху: "Вы пишете о распрях, происходящих у вас относительно чина Божественного тайнодействия. Молим именем Господа нашего Иисуса Христа, да укротит их преблаженство твое разумом твоим, ибо *рабу Господню не подобает сваритися* (2 Тим. 2. 24), особенно в вещах, которые несущественны в вере и не суть догматы. Увещевай всех принять тот чин, о котором мы пишем к Вам, который содержится во всей Восточной Церкви и дошел до нас по преданию изначала без малейшей перемены... Как древние наши книги, содержащие литургию Златоустову и Василиеву и обретающиеся в различных книгохранилищах, так и новые не разнствуют между собою ни в чем. Но если ваши несогласны с нашими в вещах нужных, а не в тех, которые устав оставляет на воле настоятеля, пишете к нам, и рассудим о том соборне". В следующих двух ответах, осьмом и девятом, Паисий писал: "О епископе Коломенском Павле и о протопопе Иоанне Неронове Вы говорите, что они не согласуются с Вами ни касательно книг и литургии, ни касательно крестного знамения и отвергают наши молитвы, как будто они совершаются страха ради человеческого, а не ради страха Божия, и что будто бы на литургии патриарх молится иначе, чем другие иереи... отвечаем: все это суть признаки ереси и раскола, и, кто так говорит и верует, тот чужд православной нашей веры... Итак, или пусть примут нелицемерно все, что держит и догматствует

наша православная Церковь, или если по первом и втором наказании не исправятся, то отвергните и отлучите их от овец Христовых, да не питают их смертоносным кормом, и вы будете иметь и нас и весь наш Собор согласными на то. Ибо на каком Соборе и у какого древнего отца они обрели, будто молитвы нашей Церкви совершаются по человекоугодию, будто они недостаточны и неудовлетворительны, почему и требуют их дополнения? Блюдитесь крепко от таких волков: под образом исправления, желая, по-видимому, исправить недостатки церковные, они ищут привнести в нее свои ядовитые плевелы... приносят к нам новины свои и апокрифические свои молитвы в качестве исправлений. Потому они должны быть отсечены от Церкви, как гнилые и неисцелимые члены, оставаясь нераскаянными; таковые молитвы их мы считаем богохульством, так как они бросают подозрение на молитвы наших святых и пытаются ввести новые порядки, которым мы никогда не учились от отцов, предавших нам веру". На вопрос (24) о том, какими перстами должно христианину изображать на себе крест, Паисий отвечал: "Все мы имеем древний обычай по преданию креститься тремя первыми перстами, сложенными вместе, во образ Св. Троицы, просвещением Которой открыта нам тайна Воплощения, и мы научены славить единого Бога в трех Лицах, Отца и Сына и Святого Духа, и да распинаемся на Кресте вместе с Господом нашим Иисусом, Сыном Божиим, сошедшим с небес, и вочеловечившимся, и пострадавшим плотию ради нашего спасения. Представляется это благословным, потому что совокуплением трех перстов мы воспоминаем таинство Св. Троицы, и когда изображаем на себе Крест Господа, то воспоминаем Его страдание и Воскресение и ими и ради их призываем от Бога помощь". На вопрос (25), какими перстами архиерею и иерею преподавать благословение христианам, отвечал: "Так как Бог с клятвою обещал Аврааму, да *благословятся вси язъцы земстии о Семени его*. Которое есть Иисус Христос, то Церковь благословляет всех, начертывая рукою священническойю имя Мессии: *Ис. Хс.* Какими бы перстами кто ни изображал эти четыре буквы, разности не будет: только бы и благословляющий и благословляемый имели в мысли, что благословение нисходит от Иисуса Христа при посредстве руки священнической. Но пристойнее слагать персты в том виде, в каком живописуют самого Христа, т. е. слагать второй и третий персты так, чтобы они образовали собою *Ис.*, а первый, четвертый и пятый - так, чтобы они представляли *Хс.*". На вопрос (26) о поклонах при чтении молитвы святого Ефрема Сирина был ответ: "Устав о поклонах, который вы держите, тот же самый, который держим и мы; разнствуем только в том, что мы творим сперва три великие поклона, потом двенадцать малых, а наконец один великий, и бывает всех поклонов шестнадцать, а не семнадцать, как у вас". Послание, присланное патриархом Паисием в Москву, заключало в себе решение не его одного, а целого Собора, и потому под посланием подписались вслед за патриархом 24 митрополита, 1 архиепископ, 3 епископа и несколько других духовных лиц, занимавших главные церковные должности при патриархе, в том числе известный своею ученостию учитель великой Церкви Мелетий Сириг, который по поручению патриарха и Собора и составил это послание. Вместе с тем Паисий прислал нашему патриарху и свое частное письмо, в котором, извещая о бывшем в Константинополе Соборе и

посылаемых в Москву соборных ответах, просил передать эти ответы "всем священным лицам, да совершают последование и всякое священнодействие по чину великой (т. е. патриаршей) Церкви, да не имеем ни единой разности как истинные чада одной и той же матери. Восточной апостольской и соборной Церкви". Далее Паисий писал Никону: "Здесь слышно, что в ваших церковных чинах есть и еще некоторые вещи, несогласные с чином великой Церкви, и я удивляюсь, как ты не спрашиваешь и об них. И прежде всего, в самом Символе св. отцов Никейских вы будто бы имеете некоторые приложения и слова, которых мы не имеем... От многой любви к Богу желаем, да исправятся всякие разности между нами". С этою целью Паисий прислал в Москву и греческий Символ веры, буквально списанный с того, какой составлен был отцами Первого и Второго Вселенских Соборов.

Определение Московского Собора, бывшего в марте 1655 г., о напечатании Служебника скоро было исполнено. В 31-й день августа того же года Служебник был уже выпущен из Московской типографии, а чрез одиннадцать месяцев издан вторично. И так как это была первая новоисправленная книга, то справщики, или издатели, конечно с соизволения самого Никона, в предисловии к ней изложили довольно подробную историю, как началось и велось все дело о исправлении наших книг, из которых первая теперь являлась в свет. Но Никон желал дать православным не только новоисправленный Служебник, или чин Божественной литургии, а затем и другие новоисправленные книги, но желал вместе дать и толкование на литургию и на прочие церковные священнодействия и обряды, чтобы православные могли лучше понимать таинственный смысл их. Потому приказал перевести с греческого книгу "Скрижаль", которая по просьбе его еще в 1653 г. прислана была ему от Вселенского патриарха Паисия. Книга эта, составленная греческим иеромонахом Иоанном Нафанаилом, переведена на славянский язык одним из справщиков, именно старцем Арсением Греком, и в октябре 1655 г. была окончена печатанием. При "Скрижали" Никон велел напечатать все послание к нему Вселенского патриарха Паисия с ответами Константинопольского Собора относительно наших церковных книг и обрядов; это послание служило для Никона главною опорою и оправданием в глазах всех православных в начатом им деле исправления книг. Велел также напечатать при той же "Скрижали" несколько статей по двум вопросам, считавшимся наиболее важными: по вопросу о крестном знамении и по вопросу о Символе веры. То были а) Слово монаха иподиакона Дамаскина Студита в неделю крестопоклонную, здесь, между прочим, изложено учение о троеперстии для крестного знамения; б) Слово неизвестного "о еже коими персты десныя руки изображати крест", здесь в первый раз довольно подробно опровергается учение о двуперстии, разбираются свидетельства Мелетия Антиохийского, Феодорита, Максима Грека и предлагаются убеждения православным оставить двуперстие и креститься тремя перстами; это, может быть, есть то самое Слово, которое, как мы упоминали, произнес Никон в неделю православия в Успенском соборе; в) Николая Малаксы, протоиерея навплийского, о сложении перстов для архиерейского и иерейского благословения; г) Максима Грека о неизменяемости Символа веры; д) монаха Зиновия Отенского против прибавки в Символе

"истиннаго" и вообще о неизменяемости Символа; е) Нила Кавасилы и других учителей о том же с прибавлением убеждений к православным не допускать никаких изменений в Символе веры. Впрочем, напечатав книгу "Скрижаль" с перечисленными нами приложениями еще в октябре 1655 г., Никон не позволил выпускать ее в свет до тех пор, пока она не будет рассмотрена и одобрена Собором.

Но созванием Собора патриарх не спешил. На этом Соборе он предполагал также произнести приговор против учения о двуперстии, которое упорнее всего отстаивали его противники, и потому хотел предварительно испытать для вразумления их еще некоторые, чрезвычайные меры. В 1656 г., 12 февраля, в день памяти святого Мелетия Антиохийского, а вместе и святителя Московского Алексия, в Чудове монастыре совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали сам царь со всем своим синклитом, патриархи с другими архиереями и множество народа. Когда в положенное по уставу время прочитано было из Пролога в поучение православным известное сказание о святом Мелетии Антиохийском, как он сначала показал народу три перста, и "не бысть знамения", затем сложил два перста и к ним пригнул один, и от руки его произошел огонь, - сказание, на которое обыкновенно опираются защитники двуперстия, - тогда Никон во всеуслышание спросил патриарха Макария, как понимать это сказание. И Макарий возгласил: "Мужие всего православия, слышите: аз - преемник и наследник сего св. Мелетия престолу; вам известно, яко сей св. Мелетий *три первыя* персты *разлучены* показа друг от друга, от нихже и знамения не бысть; тыя же паки *три соедини*, имиже и знамение показа. И аще кто сими тремя персты на лице своем образ креста не изобразует, но имать творити, два последняя соединяя с великим пальцем, да два великосредняя простерта имети и тем образ креста изображати, таковой арменоподражатель есть, арменове бо тако воображают на себе крест". Достоин замечания, что греки первые начали называть у нас двуперстие армянским обычаем, как мы видели и из прений старца Арсения Суханова с греками о вере, а уже вслед за греками, которым армяне ближе были известны, чем нам, так начали называть двуперстие и православные русские. Прошло еще двенадцать дней, настала неделя православия (24 февраля). Собрались в Успенский собор на торжество все находившиеся в Москве архиереи с знатнейшим духовенством, царь со всем своим синклитом и бесчисленное множество народа. В то время, когда начался обряд православия и Церковь, ублажая своих верных чад, изрекала проклятие сопротивным, два патриарха, Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, и митрополит Никейский Григорий стали пред царем и его синклитом, пред всем освященным Собором и народом, и Макарий, сложив три первые великие перста во образ Святой Троицы и показывая их, воскликнул: "Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение, а иже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть". То же проклятие повторили вслед за Макарием Сербский патриарх Гавриил и Никейский митрополит Григорий. Вот кем и когда изречена первая анафема на упорных последователей двуперстия. Она изречена не Никоном, не русскими архиереями, а тремя иерархами -

представителями Востока. И можно представить, как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое торжество православия. В начале апреля прибыл в Москву Молдавский митрополит Гедеон от молдавского воеводы Стефана с просьбою о принятии Молдавской земли под Русскую державу, и в Москве вместо трех было уже четыре Восточных святителя. Никон решился обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев и, указывая на то, что в Москве "неции воздвизают прю" относительно сложения перстов для крестного знамения и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься. В ответном послании Никону Антиохийский патриарх Макарий написал: "Предание прияхом с начала веры от св. апостолов, и св. отец, и св. седми Соборов творити знамение честнаго креста с тремя первыми перстами десныя руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию Восточныя Церкви, еже держа с начала веры даже доднесь, есть еретик и подражатель арменом. И сего ради имамамы его отлучена от Отца и Сына и Св. Духа и проклята; извещение истины подписах своею рукою". Вслед за Антиохийским патриархом то же самое проклятие повторил и подписал своею рукою Сербский патриарх Гавриил, а за ним повторили каждый особо и подписали митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон. Это ответное послание четырех святителей вместе с своим посланием к ним Никон немедленно велел напечатать и поместить в качестве приложения к книге "Скрижаль".

Когда таким образом восточные иерархи, находившиеся в Москве, изрекли свой приговор на крестящихся двумя перстами не только устно в неделю православия, но и письменно, Никон счел благовременным созвать на Собор своих русских архиереев, чтобы и они постановили решение по тому же вопросу. Собор состоялся 23 апреля 1656 г. Присутствовали на Соборе кроме патриарха три митрополита: Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона; четыре архиепископа: Вологодский Маркелл, Тверской Лаврентий, Астраханский Иосиф, Псковский Макарий; один епископ Коломенский Александр; двадцать два архимандрита, семь игуменов, один строитель и один наместник. Никон открыл заседания Собора довольно обширную речь. Сказав сначала, как зазирали и поносили его приходившие в Москву Восточные святители, Афанасий Константинопольский, Паисий Иерусалимский, Гавриил Назаретский и другие за разные неисправности в церковных книгах и обрядах, в том числе и за употребление двуперстия в крестном знамении; как приступил он к исправлению книг, собрал множество древних харатейных рукописей, славянских и греческих, Никон объявил, что на основании их он уже исправил некоторые церковные книги, а вместе с ними велел перевести и напечатать с нужными приложениями и книгу "Скрижаль", представляемую им теперь на рассмотрение Собора. В особенности обратил Никон внимание отцов Собора в своей речи на учение о двуперстии и говорил, что оно внесено в наши книги "от Феодоритова писания неведением" и в недавнее время: "Прежде бо того вей тремя первыми персты изображали во образ Св. Троицы, якоже и ныне многих еще видети есть, елицы не ведают

Феодоритова писания, якоже в простых мужех и во всех женах, от древняго обычая держащих"; объяснял, что соединением, по Феодоритову писанию, великого перста с двумя малыми неправо исповедуется таинство Пресвятой Троицы, а совокуплением двух перстов, указательного и среднего, неправо исповедуется таинство Воплощения; напомнил, что отвечал Цареградский патриарх Паисий с своим Собором о сложении перстов для крестного знамения, как истолковал Антиохийский патриарх Паисий в церкви Чудова монастыря сказание о святом Мелетии Антиохийском, как изрекли в неделю православия проклятие на крестящихся двумя перстами три восточные святителя и как то же проклятие повторили они вместе с Молдавским митрополитом в своем письменном ответе, и предложил Собору русских святителей и духовенства сказать свое слово о том же предмете. Присутствовавшие на Соборе занялись сначала свидетельствованием книги "Скрижали", "соборне чтоша ее во многи дни с великим прилежанием, всяку вещь и всяко слово со опасством разсуждающе", и обрели ее не только "безпорочну", но и достойною всякой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое бесценное сокровище. Затем, обсудив то, что сказано о крестном знамении в трех статьях, помещенных в приложении к "Скрижали", в послании Цареградского патриарха Паисия, в Слове иподиакона Дамаскина и в ответном послании четырех восточных иерархов, находившихся в Москве, а с другой стороны, принимая во внимание, что до напечатания Псалтирей и других книг, в которые внесено учение о двуперстии, в России существовал древний обычай креститься тремя перстами, которого многие еще держались и тогда, во дни Собора, Собор постановил следующее правило: "Аще кто отселе, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле св. Восточная Церковь прияла есть, и якоже ныне четыре Вселенстии патриарси, со всеми сущими под ними христианы, повсюду вселенныя обретающимися, имеют, и якоже zde прежде православнии содержаша, до напечатания Слова Феодоритова в Псалтирях со возследованием московския печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати во образ Святыя, и Единосущныя, и Нераздельныя, и Равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сие неприятное Церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в нихже неравенство Св. Троицы извещается, и два великосредняя, простерта суца, в нихже заключати два Сына и два состава, по Несториеве ереси, или инако изображати крест, - сего имама, последующе св. отец седми Вселенских Соборов и прочих Поместных правилом и св. Восточныя Церкви четверем Вселенским патриархом, всячески отлучена от Церкви, вкупе и с писанием Феодоритовым, яко и на Пятом (Соборе) проклята его ложная списания на Кирилла, архиепископа Александрийскаго, и на правую веру, суцая по Несториеве ереси, проклинаем и мы". Это правило свое, равно как и всю книгу "Скрижаль" с приложениями, все находившиеся на Соборе скрепили своими подписями 2 июня 1656 г. - так долго тянулся Собор! А Никон напечатал и поместил сказание об этом Соборе с изложением своей речи к нему в самом начале той же "Скрижали" под заглавием: "Слово отвещательно" и велел выпустить книгу из типографии в свет. Таким образом, еще в 1656 г. представители не только восточной православной, но и русской иерархии изрекли уже проклятие на *не*

повинующихся Церкви последователей двуперстия в крестном знамении и вообще на несогласяющихся креститься так, как издревле учила и учит святая Церковь.

В том же году, 11 мая, в воскресенье пред Вознесением, был у нас еще Собор в крестовой палате патриарха по вопросу о перекрещивании латинян-поляков, находившемуся в тесной связи с общим вопросом о совершавшемся тогда у нас исправлении и печатании церковных книг. Известно, что по "соборному изложению" и указу патриарха Филарета Никитича у нас перекрещивали всех латинян в случае обращения их к православию и всех белорусцев, даже православных, но крещенных через обливание и что эти уложение и указ внесены были при патриархе Иоасафе в печатные Требники; теперь, когда в числе други" книг приступали к пересмотру и Требника, необходимо было решить, оставить ли в нем эти статьи и при новом его издании или опустить. С другой стороны, тогда только что присоединилась к Московской державе Малороссия и присоединилась Белоруссия, где все жители, даже православные, крещены были чрез обливание; тогда приводили в Москву множество пленных поляков, из которых иные изъявляли желание принять православие, и постоянно возникал вопрос, как же смотреть на всех этих обливанцев, справедливо ли крестить их вновь. Потому-то еще на Московском Соборе 1655 г. занимались этим вопросом, и хотя отцы Собора и сам Никон согласились тогда с мнением патриарха Макария, что поляков перекрещивать не должно, но на деле не исполняли своего решения. Признано было нужным заняться вновь обсуждением этого предмета. На новый Собор приглашены были все русские архиереи; в числе других прибыл и митрополит Казанский. Антиохийский патриарх Макарий и теперь настаивал, что латинян не следует крестить вторично при обращении их в православие, и имел жаркий спор с русскими иерархами. Он старался убедить их ссылкой на их собственные книги закона и, кроме того, в подтверждение своей мысли представил выписку из какой-то древней греческой книги, принесенной с Афона, представлявшую подробное изложение предмета, и тем заставил русских архиереев невольно подчиниться истине. Выписка эта, скрепленная подписью патриарха Макария, была подана государю, переведена на русский язык, напечатана и роздана по рукам, а государь издал указ, которым запрещалось крещение поляков и других последователей той же веры. Не довольствуясь всем этим, Макарий, вскоре уехавший из Москвы, прислал еще письмо к Никону о том же предмете из Терговищ (от 25 декабря 1656 г.). Он писал, что как только достиг Угровлахии, то и там всячески старался найти что-либо для решения занимавшего его вопроса, и что Угровлахийский митрополит Стефан указал ему, Макарию, какой-то древний греческий и славянский Номоканон, совершенно разъяснивший ему истину. Кальвинистов и лютеран должно перекрещивать, потому что они истинные еретики, священства не имеют и не признают за таинство, евангельское предание отвергают и крещение их неправильно и несвященно. А латинян не должно перекрещивать: они имеют священство и принимают все семь таинств и все семь Вселенских Соборов, поклоняются святым мощам и иконам и все они крещены правильно во имя Отца и Сына и Святого Духа с призыванием Святой Троицы. Перекрещивать их значило бы

впадать в ересь второкрещенцев и противоречить Символу веры, где сказано: "Исповедую едино крещение". Мы признаем их священство и никогда не хиротонисаем вновь латинских священников при обращении их в православие, также должны признавать их крещение. Они только схизматики, а схизма не творит человека неверным и некрещеным, а творит только отлученным от Церкви. Сам Марк Ефесский, сопровтивник латинян, никогда не требовал перекрещивания их и признавал крещение их правильным и пр.

Между тем после издания первой новоисправленной книги Служебника продолжалось исправление и печатание и других церковных книг. В марте 1656 г. вышла из типографии Триодь постная, и в послесловии книги справщики свидетельствовали, что исправляли ее по благословию патриарха Никона и всего освященного Собора "с греческих, и харатейных славенских, и сербских древних книг, от себе же ничто же совнесоша". В мае того же года напечатан Ирмологий, вновь переведенный с греческого, и переводчики, прося себе прощения в недостатках, какие замечены будут в этой книге, говорили в свое оправдание: "Многия и иныя книги, яже исправляхом во время делания ея, не мало препяша нас добре исправить ю" - значит, работа по исправлению книг велась тогда в больших размерах. В том же году выпущен был из печати новоисправленный Часослов и приготовлен был к печатанию Требник, другая важнейшая богослужбная книга после Служебника. По важности ее она была пересмотрена на Соборе, бывшем в октябре 1656 г., и в соборном акте сказано: "Переведше от греческих древлеписанных книг на хартиях св. книгу Требник, прочтохом ю на Соборе со всяким прилежным вниманием и судивше ю издати во типографию, елицы чины и деяния разумехом правы быти. Егда же сия книга Потребник, Божиюю благодатию и нынешним нашим соборным деянием исправленная, из печати издана будет, да не ктому, кто начнет разве сея исправленныя книги действовати церковных таинств". В 1657 г. напечатаны: Псалтирь следованная, после "прилежнаго исправления с греческих книг"; Евангелие на престольное и Апостол и вновь издан Ирмологий. В 1658 г. напечатан наконец исправленный и рассмотренный на Соборе Требник и вновь изданы исправленные Служебник и следованная Псалтирь.

Вместе с исправлением церковных книг Никон старался исправлять и церковные обряды и обычаи и согласовать их с обрядами и обычаями Церкви Греческой: с этою целию он весьма часто приглашал Антиохийского патриарха Макария служить с собою, внимательно присматривался к его службе, замечал ее особенности, расспрашивал о каждой особенности и просил его: "Когда вы что-либо заметите неправильное в наших обрядах, говорите нам, чтобы мы могли соображаться с вами в правильном совершении их". И по указаниям Макария Никон действительно исправил некоторые обряды: например, ввел или восстановил в Русской Церкви обычай раздаяния антидора за каждой литургией; признал справедливым при обряде освящения елей в Великий четверг вливать в елей вино применительно к евангельскому сказанию о милосердом самарянине, возлившем на раны больного масло и вино, и пр. Но еще более, чем указаниям Макария, Никон давал веру древним греческим книгам. В одной из таких книг, привезенных с святой горы Афонской, он нашел

свидетельство будто бы Еводия, патриарха Константинопольского, что освящение воды на праздник Крещения Господня должно совершать только однажды, и именно в навечерии праздника, и не в церкви, а на реке. И несмотря на то, что дотоле и у нас и на Востоке было в обычае совершать водоосвящение дважды: в навечерии Крещения в церкви и в самый день Крещения на реке, а также несмотря на все убеждения Макария не отступать от этого обычая, Никон решился отступить. Он созвал 16 декабря 1655 г. с соизволения государя небольшой Собор, на котором присутствовали два митрополита - Ростовский Иона и Крутицкий Питирим, один архиепископ - Тверской Лаврентий и один епископ - Коломенский Александр и девятнадцать архимандритов, игуменов и московских протопопов. На Соборе было постановлено: "По древнему преданию св. Восточной Церкви в навечерии Богоявления Господня по совершении Божественной литургии исходить ко крестильнице (на реки или источники) и там совершать водоосвящение по чину, а в самый день Богоявления к крестильнице не исходить и водоосвящения не совершать, ибо едино крещение по апостолу, а не два, да и древний чин Восточной Церкви так повелевает. Если же кто этого древнего предания Церкви не послушает, да будет повинен церковной казни, т. е. проклятию и отлучению". Соборное постановление Никон разослал тотчас же по всем епархиям для надлежащего руководства. Равно и сам в Москве вместе с патриархом Макарием и в присутствии государя совершил водоосвящение только в навечерии Крещения в наступившем 1656 г. Впоследствии Собор 1667 г. отменил это решение патриарха Никона. Очень любопытен рассказ Павла Алеппского о том, как переменил Никон русский монашеский клобук (точнее - камилавку вместе с клобуком) на греческий. Последний по своей форме очень нравился Никону, тогда как русский очень не нравился. Но надеть на себя греческий клобук Никон боялся, чтобы не подвергнуться нареканиям народа за отступление, от древнего обычая. И что же придумал? Он велел приготовить себе греческие камилавку и клобук, только белый и с изображением на нем херувима, вышитого золотом и жемчугами, и тайно перенести в ризницу Успенского собора. Настал большой праздник в честь святителя Петра (21 декабря 1655 г.), всегда совершавшийся в Москве с особенною торжественностью. В Успенском соборе литургию совершали все три патриарха со множеством духовенства в присутствии многочисленного народа и самого государя. Когда литургия окончилась и патриархи, разоблачившись, вышли из алтаря, чтобы приветствовать государя, Макарий Антиохийский, предварительно упрощенный Никоном и держа в руках приготовленный для последнего новый клобук и камилавку, сказал государю: "Нас четыре патриарха в православном мире, и все мы имеем одинаковую одежду; с нашего согласия и соизволения сей брат наш провозглашен патриархом Московским на место папы Римского; особенность же папы состояла в том, что он отличался от нас своею белою одеждою. Если твоему величеству будет благоугодно, то я желал бы, чтобы и ваш патриарх, подобно нам, надел на себя и носил эту камилавку и клобук, которые я изготовил для него". Царь отвечал: "Добро, батюшка" - и, приняв от него камилавку и клобук, поцеловал их и велел Никону снять прежние камилавку и клобук и надеть новые. Никон был в восхищении, потому что новый головной

убор как нельзя более пришелся к лицу его и осанке. Бывшие при этом архиереи и прочее духовенство, равно и весь народ, тотчас же начали роптать за такое отступление от старого русского обычая, но роптали тихо, боясь гнева государева. А чрез несколько времени и все владыки, все иноки пожелали также переменить свои камилавки и клобуки на греческие; многие обращались с просьбою к самому патриарху Макарию снабдить их такими клобуками. Скоро пришла весть в Москву, что в Троице-Сергиевом монастыре все монахи числом до пятисот пожелали также переменить с благословения патриарха прежние камилавки и клобуки на новые греческие. А когда патриарх Макарий посетил Новгород (в конце августа и начале сентября 1655 г.), то его просили о том же два архимандрита важнейших новгородских монастырей, Хутынского и Юрьевского, и Макарий разрешил и благословил. Таким-то образом русские, по своей привычке к известным церковным обрядам и обычаям, естественно, с недоверием и ропотом встречавшие всякие перемены в них, производимые Никоном, мало-помалу мирились с последними и принимали их.

Мирились, но не все. Мы видели, что еще в 1653 г., едва Никон издал первую свою "Память" о поклонах, как на него восстали четыре протопопа, считавшиеся прежде его друзьями, а потом сделавшиеся его врагами, когда он взошел на патриаршую кафедру и будто бы возгордился пред ними, - видели, как резко высказывали они Никону свои укоризны и сопротивление и как строго он наказал их. Главнейший из этих протопопов, Иван Неронов, сослан был (4 августа 1653 г.) на Кубенское озеро в Спасо-Каменский монастырь под строгое начало на черные службы. А между тем принят был в монастыре настоятелем, архимандритом Александром, с знаками особенного почета. Настоятель дал ему не только келью, но и слугу, велел носить ему в келью из монастырской кухни лучшую пищу, а в церкви ставил его выше даже келаря. Неронов скоро начал вмешиваться в монастырские дела, указывать настоятелю, что читать за церковными службами, укорять его за бесчиние в церкви, за поездки его из обители, за то, что он кормил рыбой монахов в посты, а монахов укорять за их пьянство и небрежность в богослужении. Эти укоризны на Страстной седмице до того усилились, что архимандрит в Великий пяток по окончании службы вышел из алтаря с попами и дьяконами и стал кричать: "Доколе нам терпеть от протопопа Иоанна? Он противится Церкви". И запретили ему ходить в церковь, прогнали от него всех слуг и оставили его одного в келье. Но не столько эти, сколько другие действия Неронова в Каменском монастыре должны были огорчать патриарха Никона, к которому послал теперь настоятель монастыря донесение о Неронове. Неронов, проживая на Кубенском озере, в Вологодском уезде, в не очень далеком расстоянии от Москвы, удобно пересылал в Москву свои письма к царю, царице, царскому духовнику Вонифатьеву и другим близким своим знакомым, и в этих письмах постоянно хулил Никона как врага Божия, и восставал против начатого им исправления церковных обрядов. К Неронову в Каменском монастыре удобно приезжали "от всех четырех стран боголюбцы, многих градов люди и дворяне, посещения ради" и, без сомнения, слышали от него такие же хульные речи против патриарха. Нашел возможность посетить здесь Неронова и один из ближайших его единомышленников, протопоп Логгин, хотя был сослан в Муромские пределы под строгий надзор

своего отца. Пришел сюда к Неронову и остался при нем в качестве ученика и писца игумен московского Златоустова монастыря Феоктист, который первый из монашествующего духовенства пристал к четырем протопопам, врагам Никона. После этого не удивительно, если Никон, получив от настоятеля Каменского монастыря донесение о Неронове, дал указ (1 июля 1654 г.) сослать Неронова на отдаленный Север, в Кандалакшский монастырь, и там держать его на цепи, в железзах, и чернил ему не давать. Отправившись в путь, Неронов остановился на время в Вологде и отправил отсюда (13 июля) два послания: одно к царскому духовнику, которого извещал, что "грядет на мучения, в дальния страны заточаем"; другое, окружное ко всей "братии, боголюбцам царствующаго града Москвы, и прочих градов, и всех купно стран", убеждая своих духовных друзей, чтобы они не скорбели о нем, а радовались, чтобы *облеклись во вся оружия Божия противу кознем диавольским* и блюли себя от злых делателей. Кроме того, находясь в Вологде и посетив Софийский собор, Неронов позволил себе по окончании литургии произнести здесь всенародно следующую речь: "Священники и все церковные чада! Завелись у нас новые еретики (так называл он Никона); мучат православных христиан, творящих поклоны по отеческим преданиям, а также сложение перстов (для крестного знамения) толкуют развращенно по своему умыслу". Затем в Крестовой архиерейской церкви пред Собором всех властей говорил: "Дал благочестивый царь государь Алексей Михайлович волю тебе (т. е. Никону), и ты, зазнавшись, творишь всякие поругания, а ему, государю, сказываешь: я-де делаю по Евангелию и по отеческим преданиям. Но ты творишь так, как сказано в Евангелии: поругались жидове истинному Христу... Да будет время, и сам из Москвы побежишь, никем же гоним, токмо Божиим изволением. Да и ныне всем вам говорю, что если он нас посылает вдаль, то вскоре и самому ему бегать. Да и вы если о том станете молчать, всем вам пострадать. Не одним вам говорю, но и всем на Москве и на других местах: за молчание всем зле страдать". Когда о тех речах донесено было дьяку съезжей избы в Вологде, то он устранился и поспешил выпроводить Неронова из Вологды в дальнейший путь.

К сожалению, зло, посеянное Нероновым в Москве, успело уже немало распространиться, и вражда против патриарха скоро обнаружилась. Царь в то время находился на войне; к концу июля по случаю появившейся в Москве моровой болезни уехал из Москвы вместе с царским семейством и патриарх Никон. Поветрие усиливалось, народ молился в храмах. В 25-й день августа вместе с народом присутствовал в Успенском соборе за литургией и московский воевода князь Пронский с товарищами, которому царь поручил свою столицу. Когда Пронский вышел из церкви, то увидел подле нее множество народа из разных слобод. *Земские* люди, держа в руках икону "Спас Нерукотворенный", на которой лик был соскребен, приблизились к боярину и начали говорить: "Взят был этот образ на патриархов двор у тяглеца новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отдан ему образ из тиунской избы для переписки - лицо выскребено, а скребли образ по патриархову указу" (это, очевидно, был один из тех образов латинского письма, которые, как мы уже упоминали, отображены были по приказанию Никона у владельцев, выскоблены и потом возвращены им для написания православных икон). Лапотников присовокупил: "Мне было от

этого образа явление: приказано показать его мирским людям, а мирские люди за такое поругание должны стать". И из толпы послышались голоса: "На всех теперь гнев Божий за такое поругание - так делали иконоборцы. Во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил (а между тем Арсений и не мог еще тогда перепортить книг, если бы даже и хотел: ни исправление, ни печатание книг в августе 1654 г. еще не начались, был только Собор в Москве, решивший исправлять книги; в Царьград только еще посланы были о том вопросы - так-то преувеличивали дело и обманывали народ враги Никона!); ведут нас к конечной гибели, а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь. Патриарху пристойно было быть в Москве и молиться за православных христиан, а он Москву покинул, и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались; православные христиане умирают без покаяния и без причастия. Напишите, бояре, к государю царю, к царице и царевичу, чтоб до государева указа патриарх и старец Арсений куда-нибудь не ушли". Пронский с товарищами старался всячески успокоить народ и говорил: "Святейший патриарх пошел из Москвы по государеву указу, и когда сотские приходили к нему бить челом, чтобы он в нынешнее время из Москвы не уезжал, то патриарх казал им грамоту, что он идет по государеву указу, а не по своей воле". Толпы разошлись спокойно, но в тот же день снова собрались у Красного крыльца с иконными досками, на которых лики были соскребены, и кричали: "Мы разнесем эти доски во все сотни и слободы и завтра придем к боярам по этому делу". Пронский поспешил отписать к царице, царевичу и патриарху Никону, находившимся еще в Троице-Сергиевом монастыре, и по их приказу призвал к себе сотских, и старост, и лучших людей черных сотен и слобод и убеждал их, чтобы они не приставали к совету худых людей, уговорили свою братью отстать от такого злого начинания и заводчиков воровства выдали боярам. Заводчиками оказались три купца гостиной сотни - Заика, Баев и Нагаев, а кто стоял за этими купцами, кто настроил их и их сообщников против Никона, осталось неизвестным. Через несколько дней, в начале сентября, явилась какая-то женка Стефанида калужанка с братом Терешкою, и оба начали разглашать, что им было видение и ведено книг не печатать и Печатный двор запечатать. Пронский допросил их и расспросные речи отослал к царице с царевичем и Никону, от которых и получил ответ: "Та женка с братом своим Терешкою в речах своих рознились: женка указывала в видении на образ великом. Параскевы, именуемой Пятницею, а брат ее Терешка указывал на образ Пречистой Богородицы, да женка ж сказывала, что тот брат ее отроду был нем, а Терешка сам про себя сказал, что он говорил немо, а не нем был. И то знатно, что они солгали, и вы б впредь таким небыличным вракам не верили. А что они в речах своих говорили, чтоб запечатать книги, то Печатный двор запечатан давно и книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак".

Прошло более года, как Неронов сослан был в отдаленную Кандалакшскую обитель. И хотя приказано было держать его там на цепи и не давать ему чернил, но он и оттуда в 1655 г. имел письменные сношения с царским духовником Вонифатьевым и с братьями Плещеевыми в Москве и

прислал за своею рукою какие-то тетради архимандриту переславльского Данилова монастыря Тихону. Десятого же числа августа того же года Неронов бежал из своего заточения с тремя своими работниками и духовными детьми. На пути с честью был принят архимандритом Соловецкого монастыря Илиею и, снабженный всем потребным в дороге, отпущен на богомольной ладье. Не доезжая до Архангельска, вышел на берег и с одним из работников пешком отправился в Москву, куда и прибыл благополучно, между тем как два остальных работника, пошедшие другою дорогою, были задержаны в Холмогорах и заключены в темницу. В Москве Неронов остановился прямо у царского духовника Вонифатьева и много дней жил у него тайно от патриарха; виделся здесь с многими своими единомышленниками и сам посещал их дома. Вонифатьев доложил о приходе Неронова государю, и государь не только не сказал о том Никону, а еще послал грамоту в Холмогоры, чтобы освободили из темницы двух работников Неронова. Таким образом, Вонифатьев и царь, хотя по-видимому держали сторону Никона в деле исправления книг, но тайно покровительствовали и Неронову в его противодействиях Никону. В 25-й день декабря 1655 г., т.е. на самый праздник Рождества Христова, Неронов пострижен был в монашество архимандритом переславльского Данилова монастыря Тихоном в соборной монастырской церкви по совету и по собственноручной отписке государева духовника, протопопа Стефана, и наречен Григорием. После пострижения прожил еще сорок дней у протопопа Стефана в келье, у Благовещения Пресвятой Богородицы, что у государя на сенях. А потом, в начале февраля 1656 г., удалился на житье в Спасо-Ломовскую Игнатиеву пустынь, где погребены были его родители и куда нередко ездил он и в прежнее время. Между тем Никон, как только получил известие о побеге Неронова из Кандалакшского монастыря, повсюду разослал свои приказы и гонцов, чтобы схватить его, строго наказал игумена и иноков Кандалакшского монастыря и даже архимандрита Соловецкого монастыря Илию, но все наказания и поиски не привели ни к чему. Никон узнал о местопребывании Неронова, когда уже он, сделавшись иноком, поселился в Игнатиевой пустыни. Патриаршие боярские дети немедленно явились туда, чтобы взять беглеца, но он удалился в соседнюю весь Телепшино, где крестьяне скрыли его и не захотели выдать посланным от патриарха, несмотря на все их усилия, и даже оскорбили их. Тогда-то Никон решился созвать Собор в Москве, чтобы судить Неронова заочно. Собор состоялся 18 мая 1656 г., в воскресный день после Вознесенья. На Соборе вместе с патриархом Никоном присутствовал и Антиохийский патриарх Макарий - и это было уже последнее личное участие его в тогдашних Соборах наших, потому что чрез десять дней он уехал из Москвы на родину, щедро наделенный царем и нашим патриархом. Присутствовали также митрополиты: Никейский Григорий, Молдавский Геден, а из русских - Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, архиепископы: Суздальский Иосиф, Тверской Лаврентий, Астраханский Иосиф, Псковский Макарий и епископ Коломенский Александр, также множество архимандритов, игуменов, протопопов, попов и дьяконов. Неронову вменили в вину то, что он: а) будучи сослан в монастырь, не испросил себе прощения у святого Собора, но бежал из монастыря и, обходя тайно разные места,

возмущает не утвержденные в вере души; б) написал многое ложное о государе царе Алексее Михайловиче, о патриархе Никоне и о всех четырех Вселенских патриархах, отмечаясь греческого православия, и укорил старые святыя книги, писанные на хартиях за двести, триста, пятьсот и более лет; в) не испросив благословения и не примирившись с святою Церковию, постригся от своего единомысленника, архимандрита переславльскаго Данилова монастыря Тихона (это второе лицо из монашествующаго духовенства, открыто присоединившееся к четырем протопопам, враждебным Никону). Вследствие всех означенных вин Собор судил отсечь Неронова с его единомысленниками от святой Церкви и постановил: "Иван Неронов, иже ныне в чернцах Григорий, и с своими единомысленники, иже не покоряющася святому Собору, от Святыя Единосущныя Троицы и от св. Восточныя Церкви да будут прокляты". И если Собор Московский 1656 г., начавшийся 23 апреля и закончившийся 2 июня, изрек анафему, как мы видели собственно на не повинующихся Церкви в сложении перстов для крестнаго знаменія, то настоящий Собор изрек проклятіе вообще на единомысленников Неронова как не покоряющихся Церкви во всем, в чем не покорялся Церкви Неронов и в чем доселе не покоряются его последователи, - с этого Собора началось действительное отделение русских раскольников от православной Церкви, начался русский раскол.

Инок Григорий Неронов, проживая в Игнатъевой пустыни или скрываясь в другом месте, может быть, и не слышал о соборном на него проклятіи. Но когда чрез несколько времени он прибыл в Москву, то близкіе к нему люди начали умолять его, чтобы он показался патриарху Никону, хотя другіе советовали беречься. Григорий решился идти к Никону, взяв с собою недавно изданную книжку "Скрижаль", которая произвела на него глубокое впечатленье. В ней было напечатано, что креститься должно тремя перстами, что о том писали Никону все четыре патриарха, а непокорных предали клятве, и Григорий стал размышлять: "Кто я окаянный? Не хочу творить раздора со Вселенскими патриархами, не буду им противен: ради чего мне быть у них под клятвою?" И 4 января 1657 г. пришел Григорий на патриарший двор, стал у крестовой палаты и поклонился Никону, когда он шел к Божественной литургии. Никон спросил: "Что ты за старец?" "Я тот, - отвечал Григорий, - кого ты ищешь, - казанскій протопоп Иоанн, в иночествѣ Григорий". Никон пошел в церковь, а Григорий, идя пред ним, говорил: "Что ты один ни затеваешь, то дело не крепко; по тебе будет иной патриарх, все твое дело переделывать станет - иная тебе тогда честь будет, святыи владыко". Никон вошел в соборную церковь, а Григорий остановился на пороге церковном. По окончаніи литургии патриарх велел Григорию идти за собою в крестовую. Здесь Григорий начал говорить - "Ты, святитель, приказал искать меня по всему государству и многих из-за меня обложил муками... Вот я пред тобою - что хочешь со мною делать? Вселенским патриархам я не противлюсь, а не покорялся тебе одному... Ты писал на меня, как напечатано в книгѣ "Скрижаль", ко Вселенским патриархам, что мы мятеж творим и противимся тебе в вещах церковных, а патриархи тебе отвечали, что подобает креститься тремя перстами, непокоряющихся же заповѣдали предать проклятію и отлученію. Если ты с ними согласен, то я

этому не противлюсь; только смотри, чтоб была истина: я под клятвую Вселенских патриархов быть не хочу". Никон ничего не отвечал, но молчал. Григорий продолжал: "Какая тебе честь, владыко святой, что всякому ты страшен, и про тебя, грозя друг другу, говорят: знаете ли, кто он, зверь ли лютой, лев, или медведь, или волк? Дивлюся: государевой царевой власти уже не слышать, а от тебя всем страх, и твои посланники страшны всем более царевых..." И Никон отвечал: "Не могу, батюшка, терпеть". И затем, подавая Григорию челобитные (которые поданы были царю протопопами Аввакумом и Даниилом с братиею), сказал: "Возьми, старец Григорий, и прочти". Григорий продолжал: "Святитель, прежде мы от тебя много раз слышали: греки-де и малорусы потеряли веру, и крепости и добрых нравов у них нет. А ныне то у тебя и святые люди и учителя закона. Арсений - чернец порочный; Паисий, патриарх Иерусалимский, писал о нем государю, что он, Арсений, еретик, и велел его остерегаться, потому что многие ереси содержит в себе, был и в Римском Костеле и в еллинском зле. И благочестивый царь, посоветовавшись с патриархом Иосифом, сослал Арсения в Соловецкий монастырь. А ты взял его из Соловецкого монастыря на смуту и устроил его учителем и правителем к печатному тиснению. Есть много свидетелей, что он человек порочный". Никон отвечал: "Лгут-де на него, старец Григорий, то-де на него солгал по ненависти троицкий старец Арсений Суханов, что в Сергиеве монастыре келарь, когда послан был по государеву указу и по благословию Иосифа патриарха в Иерусалим и в прочие государства". *Григорий*: "Добро было бы тебе, святитель, подражать кроткому нашему Учителю Спасу Христу, а не гордостью и мучением сан держать. Смирен сердцем Христос, Учитель наш, а ты очень сердит". *Никон*: "Прости, старец Григорий, не могу терпеть". Побеседовав еще несколько в том же роде, Григорий просил указать ему место для жительства. И Никон послал своего боярского сына на Троицкое подворье объявить, чтоб очистили там келью для Григория, и он не нуждался ни в чем, и чтоб за ним не наблюдали, куда он будет ходить и кто к нему будет приходить. Скоро возвратился из похода против шведов государь, и когда после обычной встречи его в соборной церкви (эта встреча происходила 14 января 1657 г.) власти провожали его, то он, увидев тут же старца Григория, весело сказал Никону: "Благослови его рукою". Но Никон заметил: "Изволь, государь, помолчать - еще не было разрешительных молитв". "Да чего же ты ждешь?" - спросил государь и отошел в свои палаты. В следующее воскресенье за литургией Никон приказал ключарю ввести в соборную церковь по заамвонной молитве старца Григория и спросил его: "Старец Григорий, приобщаешься ли святой соборной и апостольской Церкви?" *Григорий*: "Не знаю, что ты говоришь; я никогда не был отлучен от Церкви, и Собора на меня никакого не было... Ты положил на меня клятву своею дерзостью по своей страсти, гневаясь на меня, как проклял и черниговского протопопа Михаила и скуфью с него снял за то, что он в "Книге Кирилловой" не делом положил, что христианам мучения не будет..." И Никон, ничего не отвечая, горько плакал и начал читать разрешительные молитвы. Плакал также и Григорий, пока читались над ним разрешительные молитвы, и по разрешении причастился Святых Даров из рук Никона. В тот же день устроил у себя патриарх "за радость мира" трапезу, за которую посадил

Григория выше всех московских протопопов, а после трапезы, одарив Григория, отпустил с миром. В следующие дни Григорий, посещая Никона, просил разрешить узников, страждущих ради его, Григория, и патриарх тотчас послал грамоты, чтобы освободили всех их, а Григорию отдал все письма, какие писал он на него, Никона, к царю, к протопопу Стефану и к прочим духовным братьям, и примолвил: "Возьми, старец Григорий, твои письма".

Никон, очевидно, желал искренне примириться с Григорием и, после того как он воссоединился с Церковью и покорился церковной власти, готов был делать ему всякое снисхождение, но не так отвечал ему Григорий. Однажды последний сказал Никону: "Иностранные (греческие) власти наших Служебников не хулят (Неронов разумел Служебники, которых сам держался, напечатанные до Служебника Никонова), но и похваляют". И Никон отвечал: *"Обои-де добры (т. е. и прежде напечатанные и новоисправленные), все-де равно, по коим хочешь, по тем и служишь"*. Григорий сказал: "Я старых-де добрых и держуся" - и, приняв от патриарха благословение, вышел. Вот когда началось единоверие в Русской Церкви! Сам Никон благословил его и дозволил первому и главному вождю появившегося у нас раскола, старцу Григорию Неронову, как только он покорился Церкви, совершать богослужение по старопечатным Служебникам. А Григорий? Он не хотел в душе примириться с Никоном и злобствовал на него. В день великомученицы Татианы, 12 января, следовательно, уже 1658 г. царь и патриарх были у всенощной в соборной церкви; тут же был и старец Григорий. Когда Никон пошел в алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши с своего места, приблизился к Григорию и сказал: "Не удаляйся от нас, старец Григорий". А старец в ответ: "Доколе, государь, тебе терпеть такого врага Божия? Смутил всю землю Русскую и твою царскую честь попрали, и уже твоей власти не слышат - от него, врага, всем страх". И государь, как бы устыдившись, скоро отошел от старца, ничего ему не сказав. По окончании службы Григорий сказал патриарху: "Время мне, владыко, в пустынь (Игнатиеву) отыти". И патриарх отпустил его, дав довольную милостыню. Через несколько времени, в том же 1658 г., старец Григорий опять приехал в Москву из своей пустыни, и, приняв благословение у патриарха, каждый день приходил в его крестовую и в келью, и был принимаем с честью - так продолжалось много дней. Но неожиданно кто-то донес Никону, будто Григорий сожег новопечатный Служебник, и тотчас ведено было сыскать Григория. Посланные от патриарха не нашли Григория в его доме, но захватили многих находившихся там духовных и мирян, повлекли на патриарший двор, допытывали их и заключили в оковы. Услышав об этом, Григорий, сидевший в то время у Рязанского архиепископа Илариона, поспешил к окольному Федору Михайловичу Ртищеву и закричал на него: "Иуда предатель! С тобою у меня была речь о том, что следует сжечь новый Служебник, а не дело". Ртищев с клятвою уверял Григория, что не был на него клеветником, и оба отправились к патриарху, бывшему за всенощной в соборной церкви. Когда дело объяснилось, Никон по просьбе Григория немедленно приказал освободить всех взятых в его доме и на другой день послал к Григорию от себя стол, довольно пищи и питья, чтобы угостить невинно пострадавших. В 21-й день января 1658 г., за всенощной в

Успенском соборе, Никон приказал троеить аллилуйю и прибавлять: "Слава тебе, Боже". Григорий, бывший тут же, стал укорять Никона и говорить, что преподобный Евфросин Псковский был у Вселенских патриархов, вопрошая о вещи сей, и заповедал двоить аллилуйю. Никон назвал сказание о Евфросине ложным. Но Григорий не успокоился. Он "умолил успенского протопopa с братиею, чтоб аллилуйю в соборной церкви на крилосах не троили. Те послушали старца, говорили аллилуйю на крилосах по дважды, а в третье: "Слава тебе, Боже". Патриарх же ничего им за это не замечал; только при чтении Псалтиря подъяк троил аллилуйю по заповеди патриарха. Во все дни старец приходил в соборную церковь, и аллилуйю на клиросах протопop с братиею говорили по дважды до самого отъезда старца из Москвы. Патриарх же во все дни посылал столы к старцу и, отпуская его в пустынь, дал ему довольную милостыню". Таким дозволением двоить аллилуйю даже в Успенском соборе по желанию старца Григория, после того как он присоединился к Церкви и покорился церковной власти, Никон еще раз показал, что готов разрешить своим противникам употребление и так называемых ими старых обрядов, если только эти противники будут в единоверии с Церковью и в покорности ее богоучрежденной иерархии. Никон и Неронов виделись и простились теперь в последний раз: в начале мая старец Неронов был уже в своей пустыни, а 10 июля того же 1658 г. Никон оставил патриаршую кафедру, удалившись в Воскресенский монастырь, и деятельность Никона по исправлению церковных книг и обрядов навсегда окончилась.

Что же должно сказать о всей этой деятельности, от ее начала до конца, если смотреть на нее без предубеждения. Никон не затевал ничего нового, когда решился приступить к исправлению наших церковных книг: исправление этих книг совершалось у нас и прежде, во время печатания их, при каждом из бывших патриархов. Никон хотел только исправить книги лучше, чем исправлялись они прежде. Прежде книги правились по одним славянским спискам, которые теми или другими справщиками признаваемы были "добрыми". Никон пожелал исправить наши церковные книги не по одним славянским, но и по греческим спискам, и притом по спискам, славянским и греческим, древним, чтобы очистить эти книги от всех погрешностей, прибавок и новшеств, какие вкрались в них с течением времени, особенно в два последние столетия, и для многих уже не казались новшествами, чтобы восстановить у нас богослужение в том самом виде, в каком существовало оно в древней Церкви, Русской и Греческой, чтобы привести нашу Церковь в полное согласие с Греческою и вообще со всею Восточною православною, даже по церковным обрядам. И за такое исправление книг Никон принялся не по прихоти или злонамеренности, а по настоятельной нужде. Его укоряли иерархи, приходившие к нам с Востока, в разных отступлениях нашей Церкви от Греческой, каким особенно казалось им двуперстие в крестном знамении. Он сам лично убедился вскоре по восшествии на патриаршую кафедру, что такие отступления действительно встречаются в наших печатных книгах и даже в Символе веры. Он знал, какую важность приписывали некоторым из этих отступлений греки, как признали они еретическими и сожгли на Афоне московские книги, в которых было напечатано учение о двуперстии для

крестного знамения. Необходимо было устранить все этого рода несогласия нашей Церкви с Греческою, чтобы они не повели к серьезным столкновениям и даже к разрыву между обеими Церквями. И Никон начал свое великое дело - исправление наших церковных книг, но не сам собою, а по решению и указаниям двух Соборов, Московского и Константинопольского. Никон исправил книгу Служебник, но не прежде напечатал, как подвергнув ее тщательному рассмотрению целого Собора. Напечатал книгу "Скрижаль", но не выпускал ее в свет, пока она не была вся пересмотрена и одобрена Собором. Приготовил к печатанию книгу Требник и до напечатания подверг ее также внимательному обсуждению на Соборе. Никон изрек анафему на непокорных, не повиновавшихся Церкви в сложении перстов для крестного знамения, но изрек не один, а вместе с Собором русских архиереев и уже после того, как на этих непокорных изрекли анафему известные восточные иерархи. Никон предал анафеме Неронова и его единомысленников, сопротивлявшихся церковной власти, но предал с согласия всего Собора, на котором находились и Восточные святители, в том числе Антиохийский патриарх, и следуя наставлению Цареградского патриарха и Собора относительно Неронова. Выходит, что вся деятельность Никона по исправлению церковных книг и обрядов совершалась не им единолично, а с согласия, с одобрения и при живом участии представителей не только русского, но и восточного духовенства и всей Церкви. На Никона нападали, что он был крайне строг к своим противникам. Но он мог быть слишком строгим и даже несправедливым, мог иметь и другие недостатки, мог вредить своею горячностью успехам своего дела, а самое дело исправления церковных книг тем не менее оставалось чистым, законным и святым, не говорим уже, что строгие и суровые наказания вообще были в духе того времени и что противники Никона по своей дерзости против него заслуживали такой строгости.

Кто же были эти противники Никона? Первым и главным противником был протопоп московского Казанского собора Неронов с небольшим кружком своих единомысленников и друзей, в состав которого входили три иногородние протопопа: костромской Даниил, муромский Логгин, юрьевский Аввакум и один епископ - Коломенский Павел. Но деятельность этих единомысленников Неронова была необширна при Никоне и непродолжительна. Они восстали вместе с Нероновым собственно только против двух первых распоряжений Никона о поклонах и о троеперстии для крестного знамения, когда Никон еще не начинал исправления книг, и немедленно сосланы были все в разные заточения. Протопопы сосланы были еще в 1653 г.: Даниил - в Астрахань, где и скончался в темнице; Логгин - в Муром, где также, вероятно, скоро скончался, так как о деятельности его не сохранилось более никаких известий; Аввакум - сперва в Тобольск, а потом еще далее в глубь Сибири на Лену, где и оставался, пока Никон занимал патриаршую кафедру, а епископ Павел заточен был около половины 1654 г. в Новгородские пределы, и более никаких известий о нем у самих раскольников не сохранилось: верно, скоро скончался. Один Неронов, хотя также сослан был еще в 1653 г. в Спасо-Каменный монастырь, а потом в отдаленный монастырь Кандалакшский, не переставал ратовать против Никона постоянно, во все время исправления им церковных книг и обрядов, и своими

письмами в Москву и другие места, своими устными беседами приобретал себе многих последователей и единомысленников, из которых известны по именам: златоустовский игумен в Москве Феоктист и даниловский игумен в Переславле Тихон. Другие деятели раскола тогда еще не выступали: они сделались известными уже по удалении Никона с патриаршей кафедры. Как значительно было число сочувствовавших Неронову, особенно в Москве, это обнаружилось после бегства его из Кандалакшского монастыря, когда все старания Никона отыскать и схватить беглеца оставались тщетными и он несколько месяцев безопасно скрывался в самой столице. В 18-й день мая 1656 г. Никон с Собором русских и некоторых греческих архиереев изрек, наконец, анафему на Неронова и его единомысленников и получил начало русский раскол глаголемого старообрядства. Но это начало было непрочно, потому что через семь с небольшим месяцев сам Неронов, глава раскола, присоединился к православной Церкви, принял троеперстное крестное знамение, покоряясь голосу Восточных патриархов, похвалял книгу "Скрижаль", изданную Никоном, и даже убеждал к тому же своих последователей. Правда, Неронов и по присоединении к Церкви желал держаться старых печатных книг, но Никон вместе с Собором, предав проклятию не покорявшихся Церкви из-за старых книг и обрядов, отнюдь не проклинал самих этих книг и обрядов и потому позволил Неронову, когда он покорился Церкви, держаться и старопечатных книг, назвал их даже добрыми и сказал, что все равно, по старым ли или по новоисправленным книгам служить Богу; позволил, в частности, и двоить и троить аллилуйю в самом Успенском соборе за одними и теми же службами. Отсюда можем заключать, что если бы продолжилось служение патриарха Никона и он скоро не оставил своей кафедры, то он, может быть, дозволил бы и всем единомысленникам Неронова, приверженцам старопечатных книг, то же самое, что дозволил Неронову, лишь бы только они покорялись Церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной веры и подчиняясь одной и той же церковной иерархии, русские одни совершали бы службы по новоисправленным книгам, а другие по книгам, исправленным и напечатанным прежде, несмотря на все разности между ними, подобно тому как до Никона одни совершали у нас службы по старым Служебникам и Требникам, правленным и напечатанным при патриархах Иове, Гермогене и Филарете, а другие по вновь исправленным Служебникам и Требникам, напечатанным при патриархах Иоасафе и Иосифе, хотя между теми и другими Служебниками и Требниками есть значительные разности. Таким образом, раскол, начавшийся при Никоне, мало-помалу прекратился бы, и на место его водворилось бы так называемое ныне единоверие.

К крайнему сожалению, по удалении Никона с кафедры обстоятельства совершенно изменились. Проповедники раскола нашли себе в наступивший период междупатриаршества сильное покровительство; начали резко нападать на Церковь и ее иерархию, возбуждать против нее народ и своею возмутительною деятельностью вынудили церковную власть употребить против них канонические меры. И тогда-то вновь возник, образовался и утвердился тот русский раскол, который существует доселе и который, следовательно, в строгом смысле получил свое начало не при Никоне, а уже после него.

